

Л.Б.Вишняцкий

«ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ГЕОГРАФИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ПРИЧИНЫ

L.B. Vishnyatsky. «The Upper Paleolithic Revolution»: its Geography, Chronology, and Causes.

The author starts with a general overview of archaeological data pertaining to the problem of the Middle to Upper Paleolithic transition in the regions from Siberia to Iberia. These data are used then to criticize the extremities of the so called «acculturation hypothesis». The subsequent analysis of the principal approaches to the explanation of the Middle to Upper Paleolithic transition shows that most of them either are at variance with the available evidence (biological and accumulationist models) or refer to such causes of change which themselves remain unexplained (technological, sociological, and linguistic models). The only approach that seems to be devoid of these shortcomings is the ecological one, assigning the major part to demographic factors. There are three fundamental facts that can shed a very important light on the transition problem, but have not yet been fully explored in the existing interpretative theories. First, it was exactly by the end of the Middle Paleolithic time that the Old World oecumene had acquired a shape close to the present one, and almost all areas with tolerable environments were occupied. Second, as it can be inferred from archaeological, archaeozoological, and genetic data, the appearance of the earliest UP was preceded by (and perhaps accompanied with) a demographic explosion. Third, and most significant, the distribution of the earliest UP strictly coincides with the distribution of the «classic» Neanderthals (the Levant, the Zagros, the Caucasus, the Balkans, West and Central Europe, the South Russian Plain, Crimea, Southern Siberia), while the regions where no Neanderthals are known either have not yielded any true UP at all (East/Southeast Asia, Australia) or yielded rather late UP/LSA (Indian subcontinent, most of North Asia), even despite the long presence of anatomically modern humans (Subequatorial Africa). It can thus be argued that the technological and other changes marking the transition took place there and only there where the expanding modern populations met Neanderthals (and vice versa) and where the former and the latter had to compete for vital resources. Neither the available chronological data nor what we know about the association between different early UP industries and hominid morphotypes give grounds to believe that the UP culture(s) was brought to Europe (as well as Near East, South Siberia, etc.) from elsewhere. Rather there was a series of broadly coeval local transitions prompted by the need to intensify the resource procurement under stress conditions when escaping to free lands was no longer possible. So understood, the «UP revolution» signifies the end of the extensive phase in the evolution of culture and the transition to the intensive mode of development.

Введение

Примерно между 45 и 35 тыс. л. н. в памятниках некоторых регионов Африки, Азии и Европы получает широкое распространение целый ряд новых черт, довольно резко отделяющих культуру этой эпохи от культуры предшествующего периода. Из этих черт наиболее заметными и четко фиксируемыми археологически являются: 1) в области обработки камня — доминирование технологий, ориентированных на массовое производство пластин и, соответственно, преобладание в орудийном наборе изделий на пластинках, предельных зачастую новыми, ранее не встречавшимися или почти не встречавшимися формами; 2) в области обработки кости и рога — появление орудий, изготовленных не посредством оббивки, а с помощью методов, не применявшихся или лишь крайне редко применявшихся к камню (резание, шлифовка, сверление); 3) в сфере символотворчества — появление несомненных и достаточных многочисленных свидетельств самого суще-

ствования такового (украшения, фигуративное искусство). Все эти новации знаменуют собой один из важнейших «переходов» в развитии доисторической культуры, а именно переход от среднего палеолита к верхнему, который часто называют еще «верхнепалеолитической революцией». Настоящая статья представляет собой попытку использовать полученные за последние годы антропологические, археологические и другие данные для рассмотрения вопросов о том, как происходило становление верхнего палеолита (т.е. как протекал этот процесс во времени и в пространстве, имел ли он один исходный центр или несколько, какую роль в его распространении играла аккультурация и т.д.) и в чем состояли причины наблюдаемых в этот период культурных изменений. В первой части работы дается сжатый обзор перехода для всех регионов, где есть начальный и/или ранний верхний палеолит, во второй на основе представленных данных формулируется не-

сколько обобщений, касающихся дилеммы «полицентризм-моноцентризм» и связанной с ней проблемы аккультурации, и, наконец, в третьей части анализируются основные подходы к объяснению причин «верхнепалеолитической революции», представленные в литературе, и

излагаются теоретические соображения и фактические данные, позволяющие, как мне кажется, связывать переход к верхнему палеолиту с некоторыми демографическими процессами, предшествовавшими и сопутствовавшими этому событию.

I. География и хронология перехода к верхнему палеолиту

Происходило ли становление верхнего палеолита независимо в разных регионах, или первоначально он появился где-то в одном месте, откуда впоследствии культурные новации и их носители стали распространяться все шире и шире? Если верно первое, то где находились центры становления и сколько их было? Если верно второе, то, опять же, где находился центр, и какую роль в процессе перехода играла аккультурация автохтонного населения тех или иных регионов населением пришлым? Все эти проблемы принадлежат к числу наиболее активно обсуждаемых преисториками, и по каждой из них, как водится, высказывались разные, подчас взаимоисключающие точки зрения, хорошо известные большинству специалистов. Оценить перспективность существующих гипотез — значит, прежде всего, оценить насколько они соответствуют имеющимся фактическим данным, насколько хорошо их объясняют, а для этого необходимо эти данные знать. Анализ объяснений, предлагаемых для тех или иных групп фактов, должна, следовательно, предшествовать работа по проверке и обобщению этих фактов, и именно с изложения результатов такой работы лучше всего будет начать разговор о вопросах, сформулированных во введении к этой статье. Из следующего ниже обзора исключены территории Африки южнее Сахары, Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Америки, где верхнего палеолита нет вообще, а также Южная Азия (Индостан) и большая часть Северной Азии, где представлен лишь поздний палеолит (этот термин я употребляю для обозначения памятников поздней поры верхнего палеолита).

Северная Африка. Несмотря на довольно интенсивные исследования палеолита, проводимые в течение уже многих лет в ряде районов на севере Африки, количество и особенно качество материалов, имеющих отношение к занимающей нас теме, пока оставляет здесь желать много лучшего. Именно поэтому обзор дается для Северной Африки в целом, хотя в идеале, конечно, следовало бы выделить на этой огромной территории несколько областей и рассмотреть их по отдельности.

Ранний верхний палеолит известен здесь сейчас всего на трех памятниках: в пещерах Хауа Фтеах (McBurney 1967) и Хагфет-эд-Дабба (McBurney & Neu 1955) и на кремнедобывающей мастерской Назлет Хатер 4 (Vermeersch

1992). Первые два находятся на северо-востоке Ливии (Киренаика), а третий в долине Нижнего Нила в Египте. Назлет Хатер 4, давший пластинчатую индустрию с немногочисленными орудиями, среди которых отмечаются зубчатые изделия, скребки и резцы, надежно датируется временем около 33-35 тыс. л.н. и рассматривается как результат кратковременного посещения людьми долины Нила в период, когда постоянного населения в этом регионе не было. Более поздние верхнепалеолитические памятники появляются здесь, как считается, лишь около 25 тыс. л.н. (Vermeersch 1992; Van Peer & Vermeersch 1990). На некотором расстоянии от памятника было обнаружено погребение человека современного физического типа, которое по находкам типичных для индустрии Назлет Хатер изделий датируют тем же временем.

В пещере Хауа Фтеах верхний палеолит в лице так называемой культуры дабба появляется, если судить по старой радиоуглеродной дате, полученной для слоя XX, не позже 31,5 тыс. л.н.. Тот факт, что под этим слоем залегают еще несколько даббанских слоев (до XXV-го включительно), указывает на возможность гораздо более раннего начала верхнего палеолита в Киренаике, и многие авторы, вслед за Ч. МакБерни, оценивают возраст XXV-го слоя в 38-40 тыс. лет. Близкую древность имеет материал нижних слоев (7-4) пещеры Хагфет-эд-Дабба (эпонимный памятник культуры дабба), на что, помимо старой гронингенской радиоуглеродной даты (38550 В.С. ± 1600), указывает и технико-типологическое сходство комплексов. Согласно широко распространенному мнению, собственно переходных индустрий в Хауа Фтеах нет, и смена мустье верхним палеолитом происходит здесь внезапно (Григорьев 1977: 163; Vermeersch 1992: 109), но, насколько можно судить по описаниям и рисункам в имеющихся публикациях, технология получения пластин в даббанской индустрии была еще в основных своих чертах (плоскостное раскалывание, фасетированные площадки) среднепалеолитической. Это обстоятельство, наряду с хорошей представленностью среди орудий пластин с поперечной фаской (*lames a chanfrein*), сближает ранний верхний палеолит Киренаики с так называемым начальным верхним палеолитом Ближнего Востока (см. ниже) и, если предположение о достаточно раннем возрасте даббанской индустрии подтвердится, ее можно будет рассматривать как южносредиземноморское

продолжение той линии переходных комплексов, которая сейчас уже столь четко вырисовывается в Восточном Средиземноморье от юга Турции до Израиля.

Переходные с технологической точки зрения комплексы выделяют в долине Нижнего Нила. В таком ключе, по мнению П. Ван Пира, следует рассматривать некоторые из скоплений на мастерской Тарамса 1, имеющие возраст не менее 40 тыс. л.н. (Van Peer 1998: 126-127), но эта точка зрения кажется далеко не бесспорной. Еще менее ясен вопрос о статусе таких индустрий долины Нила, как Халфан и Идфуан, которые характеризуются сочетанием среднепалеолитической технологии с верхнепалеолитическими орудиями, при том, что радиоуглеродные даты указывают на возраст моложе 25 тыс. л.н.. Одни авторы при их оценке придают большее значение технологии и рассматривают эти комплексы как переходные от среднего к верхнему палеолиту (Van Peer 1993; Van Peer & Vermeersch 1990), другие же (их большинство) считают, что типология и имеющиеся датировки не оставляют сомнений в том, что Халфан и Идфуан — это поздний палеолит (Marks 1975: 441; Schild 1998: 134).

Если в Киренаике и принильских районах комплексы конца среднего и начала верхнего палеолита в общем вполне сопоставимы с ближневосточными, то в североафриканских областях к западу от Египта ситуация иная. Здесь совсем нет верхнего палеолита и сравнительно мало мустьерских памятников, а их место занимает атерийская культура, представляющая собой весьма специфическое явление, не имеющее даже отдаленных аналогий за пределами Северной и севера Центральной Африки. Атер распространен от Мавритании до Египта и от бассейна озера Чад до средиземноморского и атлантического побережья.

Хронологически атер, по-видимому, соответствует концу среднего и началу верхнего палеолита. Об этом свидетельствует, во-первых, тот факт, что из двух десятков имеющихся для разных памятников радиоуглеродных дат подавляющее большинство находятся в диапазоне от 30 до 40 тыс. лет, либо указывают на предельный возраст образцов, а во-вторых (и это, пожалуй, еще важнее), стратиграфическое положение атера, который в тех колонках, где представлено также и мустье, всегда или почти всегда залегает над ним (Wendorf & Schild 1992: 49; Clark 1993; Wengler 1997). Мне известны лишь два возможных исключения из последнего правила, но оба они сомнительны: в Хауа Фтеах, где атерийские якобы слои XXXI-XXX вклиниваются между ранне- и позднемустьерскими слоями, атер был выделен, скорее всего, «вследствие недоразумения» (Григорьев 1977: 163), и в Вади Куббанья ситуация тоже не ясна (Wendorf & Schild 1992: 47). По всей вероятности, между мустье Северной Африки и атером существует

эволюционная преемственность (Ferring 1975; Debenath 1992, 1994), причем не исключено, что в Магрибе смена первого вторым происходила примерно в то же время, когда в Европе и Западной Азии совершался переход от среднего к верхнему палеолиту, то есть в течение интерстадиала солтаниан 2-3, соответствующего вюрму 2-3 (Wengler 1997). Правда, палеоклиматические корреляции, лежащие в основе такого рода датировок, базируются пока исключительно на седиментологических и палеоботанических данных и, конечно, нуждаются в проверке, но и противоречащие им ТЛ и ОСЛ даты от 60 до 90 тыс. л.н., полученные недавно для песчаных отложений с характерными атерийскими изделиями на двух сахарских местонахождениях в Ливии (Cremaschi et al. 1998), также нельзя пока признать достаточным основанием для значительного удревнения возраста атера. Самые поздние атерийские памятники относятся ко времени около 22-24 тыс. л. н.. Об этом, помимо климатостратиграфических корреляций, говорят несколько радиоуглеродных дат (Wengler 1997: 454-455) и ОСЛ дата для стоянки Шаперон Руж (Texier et al. 1988). Около 20 тыс. л. н. или чуть раньше атер в Магрибе сменяется иберо-маврусийской культурой (финальный палеолит), причем не исключено, что их разделяет несколько тысячелетий, когда не только Сахара, но и средиземноморское побережье не имели постоянного населения.

Типологически и технологически атер, по мнению современных исследователей, является среднепалеолитической индустрией (Debenath et al. 1986; Vermeersch 1992: 107), которая, возможно, представлена несколькими функциональными вариантами, региональными фашиями, или эволюционными стадиями (Wengler 1997: 456). Некоторые считают, что эта индустрия лишена признаков, которые можно было бы истолковать как свидетельства влияния верхнего палеолита (Wendorf & Schild 1992: 55) или внутреннего развития в верхнепалеолитическом направлении (Van Peer 1998: 129). Между тем, когда-то атер рассматривали как верхний палеолит, и основанием для этого служил не только его предположительно поздний возраст, но и ряд типологических характеристик (см. напр.: Ефименко 1953: 605). На мой взгляд, атер, характеризующийся доминированием скребел в орудийном наборе и плоскостным расщеплением, направленным на получение, главным образом, отщепов — это формально все еще средний палеолит, но вместе с тем к североафриканскому мустье он относится примерно так же, как шательперрон — индустрия верхнепалеолитическая — относится к мустье с ашельской традицией, а селет к микроку. И дело здесь не только в хронологическом соотношении индустрий, но и в содержании изменений, наблюдаемых при переходе от мустье к атеру. С типологической точки зрения атер явно индустрия

стрия более высокого уровня развития, он богаче и сложнее, а его руководящий тип — наконечник с черешком — более специфичен и оригинален даже по сравнению с руководящими формами шательперрона и селета, не говоря уже о мустье. Широкое распространение изделий с черешком в атерийских комплексах — а помимо разного рода наконечников и острий, это могут быть скребла, скребки, проколки и, практически, любые другие типы артефактов (их типлист см. в Tixier 1967: 790) — свидетельствует о систематическом использовании составных орудий и о наличии надежных средств и способов их крепления. Для атера характерны также бифасиальные листовидные острия, в том числе двуконечные, причем лучшие их экземпляры по совершенству формы и обработки, а также по отношению ширины к толщине (4:1 и более, судя по иллюстрациям), вполне вписываются в верхнепалеолитические стандарты. Последнее относится и к скребкам, которые хоть и сравнительно малочисленны, но все же встречаются чаще, чем в мустье (Tixier 1967: 795), а главное, представлены во многих случаях не атипичными мустьерскими, а вполне типичными верхнепалеолитическими формами, и к тому же нередко имеют тщательно выделенный анкошами или ретушью черешок. Стоит отметить также, что для атера зафиксирована весьма дальняя (280 км) транспортировка сырья (Clark 1993).

Антропологический тип носителей культуры дабба неизвестен, а человеческие костные останки, связанные с североафриканским мустье и атером (Джебел Ирхун, Дар эс Солтан, Мугарет эль Алия, Хауа Фтеах, Тарамса и др.), принадлежат индивидам, явно отличавшимся от неандертальцев и приближавшимся по ряду важных краниофациальных характеристик к людям современного физического типа (Klein 1989:307; Hublin 1992; Vermeersch et al. 1998).

Ближний Восток. В этом регионе комплексов начального и раннего верхнего палеолита известно больше, чем где бы то ни было еще за пределами Европы. Особенно ценно, что почти все они обнаружены на многослойных пещерных, или, реже, открытых памятниках и, следовательно, дают картину перехода в динамике. Ранний верхний палеолит представлен на Ближнем Востоке двумя индустриями: ахмарианом и левантийским ориньяком. Им предшествует начальный верхний палеолит, который отличается тем, что в технологии сохраняет много общего с «ранним» левантийским мустье и с этой точки зрения как бы остается еще частично в среднем палеолите.

Начало верхнего палеолита на Ближнем Востоке часто относят ко времени 45-47 тыс. л.н., поскольку именно такой возраст, согласно данным радиоуглеродного датирования, имеет нижний (1-й) слой стоянки Бокер Тахтит в пустыне Негев (юг Израиля). Однако, технологи-

чески индустрия этого слоя остается еще целиком среднепалеолитической (Marks & Kaufman 1983: 70-71; Volkman 1983: 185), а наличия среди 80 изделий со вторичной обработкой десятка резцов и трех типичных скребков явно недостаточно, чтобы отнести комплекс в целом к верхнему палеолиту (как это иногда делают: Bar-Yosef & Belfer-Cohen 1993:281; Bar-Yosef et al. 1996: 304). Более того, даже для верхнего (4-го) слоя Бокер Тахтит такая атрибуция неоспорна. Технология здесь, вопреки некогда широко распространенной точке зрения, не выходит за рамки изменчивости, свойственной «раннему» левантийскому мустье (Marks & Monigal 1995: 275), а орудийный набор отличается от такового нижележащих слоев лишь относительно большим количеством скребков (резцов же, наоборот, меньше) и полным отсутствием эмирейских острий, тогда как доминирующую роль продолжают играть леваллуазские острия (с ретушью и без) и зубчато-выемчатые изделия. Таким образом, хотя комплексы четырех слоев Бокер Тахтит дают несомненные свидетельства начавшегося процесса трансформации среднего палеолита в верхний, по большинству характеристик они — или, во всяком случае, три нижних слоя — все же еще ближе к первому, чем ко второму, и должны, скорее, рассматриваться не как начальный верхний палеолит, а как переходная форма мустье. К этой же стадии предположительно можно отнести Эмирех (север Израиля), слои G и F Эль-Вада (север Израиля) и другие индустрии с эмирейскими остриями (например, памятники так называемой мейрубийской группы в Ливане, см. Коробков 1978: 142-144).

Начальный верхний палеолит представлен, прежде всего, комплексами XXV-XXI/XIX слоев грота Кзар Акил (Ливан) и слоев VI-VII пещеры Антелиас (Ливан). Индустрии этой стадии технологически еще сохраняют много общего со средним палеолитом (высок индекс леваллуа, господствует некраевое скалывание), но в орудийном наборе уже явно преобладают настоящие скребки, резцы и другие изделия, характерные для верхнего палеолита, тогда как мустьерские формы сравнительно редки. Эмирейских острий нет (Bergman 1981: 322). Маркирующими эту стадию типами являются, как кажется, *lames a chanfrein* и, в меньшей степени, стрелчатые скребки. Последние имеются и в 4-м слое Бокер Тахтит, где пластин с поперечной фаской, как будто, нет. Кроме названных памятников к начальному верхнему палеолиту могут быть отнесены также, по-видимому, слои 4e и 4f грота Абу-Халка (Ливан), местонахождение Хабарджер (Ливан) и пещеры Учагизли и Канал в Турции близ границы с Ливаном (Kuhn et al. 1999), где среднепалеолитическая в основных чертах технология сочетается с верхнепалеолитическим орудийным набором, включающим обычно (кроме Учагизли) *lames a chanfrein*. Для нижнего слоя (H) Учагизли есть две

АМС даты порядка 39-40 тыс. л. н.. Для определения возраста слоев XXIV-XXI Кзар Акила предложено два варианта экстраполяции от датировки в 32 тыс. л. н., полученной для одного из ориньякских комплексов грота: 50-52 тыс. л.н. при среднем темпе осадконакопления и 43 тыс. л.н. при быстром осадконакоплении (Mellars & Tixier 1989). Второй вариант кажется гораздо более реалистичным. Таким образом, скорее всего, индустрии начального верхнего палеолита на Ближнем Востоке имеют возраст около 43-38 тыс. лет и синхронны раннему верхнему палеолиту Киренаики (даббан).

Начало ахмариана после проведения новых работ в Кебаре стали относить ко времени 42-43 тыс. л. н. (Bar-Yosef & Belfer-Cohen 1996; Bar-Yosef et al. 1996), но сколько-нибудь подробного описания материалов слоев III-IV, для которых получена эта дата, пока нет, и остаются сомнения относительно правильности определения индустрии. В ней слишком мало ретушированных пластинок, слишком много скребков (ср. Bar-Yosef & Belfer-Cohen 1996: Table 1 и Gilead & Bar-Yosef 1993: Table 2), а в технологии отмечается сохранение среднепалеолитических элементов (Сарель и др., статья в этом номере журнала). Радиоуглеродный возраст древнейших достоверно ахмарских комплексов (Бокер А, Абу Ношра) составляет 36-38 тыс. л. н., или, в крайнем случае, 40 тыс. л. н. (Phillips 1994). Примерно такую же древность имеет, видимо, самый ранний ахмариан в Кзар Акил (слой XVII) и Умм эль Тлель в Сирии (Bourguignon 1998: fig.11). Ориньяк в регионе появляется, судя по всему, несколько позже, но вряд ли позднее 36 тыс. л. н. (Bar-Yosef & Belfer-Cohen 1996; Bar-Yosef et al. 1996).

Носителями мустьеерских традиций на Ближнем Востоке были, как известно, и неандертальцы (Амуд, Кебара, Табун, Дедерьех), и люди близкого к современному физического типа (Схул, Кафзех). Интересно, что первые, судя по имеющимся датировкам и биостратиграфическим данным, появились в регионе позже, чем вторые (Schwarcz et al. 1989; Simpson et al. 1998; Valladas et al. 1999), а появившись (скорее всего, из Европы), вытеснили своих предшественников. Во всяком случае, пока нет прямых свидетельств присутствия *Homo sapiens* на Ближнем Востоке в период от примерно 80 до примерно 38-40 тыс. л. н., тогда как костные останки неандертальцев, датируемые этим интервалом, напротив, довольно многочисленны, и некоторые из них, возможно, имеют даже древность, сопоставимую с древностью последних представителей этого морфотипа в Европе (Simpson et al. 1998). Единственной антропологической находкой, могшей пролить свет на вопрос об таксономическом статусе людей, связанных с переходными индустриями Ближнего Востока, являлась верхняя челюсть, обнаруженная в слое XXV Кзар Акила еще в 1947 г., но, к

сожалению, впоследствии она была утеряна. Имеющиеся описания и изображения челюсти недостаточны для надежного установления ее таксономического статуса, но наличие, по крайней мере, отдельных неандертальских признаков несомненно (Bergman & Stringer 1989: 110). Об облике первых ближневосточных ориньякцев прямых данных нет, а вот ахмариан, судя по морфологии черепа и нижней челюсти из XVII-го слоя Кзар Акил (сохранились их реплики), с самого начала был делом рук людей современного физического типа (Bergman & Stringer 1989).

Передняя Азия. В 1938 г. Д.Гаррод выдвинула гипотезу, что именно Передняя Азия, а точнее Иранское плато, следует считать местом рождения верхнего палеолита (Garrod 1938). Позднее подобное же предположение высказывалось для Северного Афганистана (Dupree 1967: 18). Однако, попытки Л.Дюпри, а затем Ч.МакБерни обнаружить в этих регионах переходные индустрии закончились неудачей.

Ранний верхний палеолит представлен в Передней Азии барадостом, который впервые был выделен в Шанидаре, Ирак (Solecki 1955), а затем еще на пяти пещерных памятниках в иранском Загросе (Варвази, Гхари Хар, Яфтех, Гар Арженех, Па Сангар). Предполагалось наличие барадоста (среднего или позднего) и для юга Загроса (Piperno 1974; Rosenberg 1985), но материал из этого района слишком скуден. По мнению Д.Ольшевски и Х.Диббла, барадост обладает всеми основными чертами ориньяка (отщеповая технология на ранних стадиях, производство пластинок с кареноидных нуклеидных орудий и одноплощадочных нуклеусов, кареноидные скребки и резцы, пластинки Дюфур, острия Фонт-Ив), и поэтому его следует рассматривать как «загросский ориньяк» (Olszewski & Dibble 1994: 73). Тот факт, что эта индустрия связана с регионом, откуда открыт доступ и в Европу, и в Левант, позволяет, по их мнению, предположить, что ориньяк происходит именно из Загроса (ibid.: 73). Этому предположению противоречит отсутствие переходных индустрий между мустье Загроса и барадостом, хотя отмечается, что в Гар Арженех, Варвази и Гхари Хар между этими индустриями нет и стратиграфического hiatus (Smith 1986: 25). Ф.Хоул полагает, что ближайшее сходство барадост имеет не с ориньяком, а с некоторыми индустриями Закавказья (пещера Вирхова, Таро Клде, Девис Хврели) (Hole 1970: 290-291). Эту точку зрения разделяет и Ф.Смит (1971.: 690).

Ф.Хоул и К.Флэннери выделили две фазы в развитии барадоста, отнеся более раннюю ко времени от 38 до 30 тыс. л. н. (Hole & Flannery 1967: 153). Многочисленные радиоуглеродные даты, полученные к началу 70-х гг., действительно, указывают на то, что по крайней мере в Яфтехе и Шанидаре возраст рассматриваемой индустрии составляет не менее 36-38 тыс. лет,

и она почти наверняка древнее левантийского ориньяка. Если же учесть, что, с одной стороны, даты для Загроса были получены очень давно и, вполне возможно, занижены, а с другой, что возраст ориньяка в Европе пересматривается сейчас в сторону омоложения (Zilhão & d'Errico 1999), то нельзя исключить, что барадост и в самом деле представляет собой древнейшую или одну из древнейших ориньякоидных индустрий (Olszewski & Dibble 1994: 74).

За пределами Загроса в Передней Азии известен пока лишь один памятник, который предположительно можно отнести к раннему верхнему палеолиту. Это слой III пещеры Кара-Камар в северном Афганистане. По древесному углю из этого слоя еще в середине 50-х годов было получено 7 дат, из которых 4 предполагают возраст более 25 тыс. л. н., а остальные более 32 тыс. л. н. Р.Дэвис считает, что в любом случае слой III должен быть в широких рамках одновременен с самой ранней фазой барадоста Загроса (Davis 1978: 50), хотя отмечает при этом, что типологически его трудно связать с последним (ibid.: 53). В коллекции слоя III нет ни резцов, ни ретушированных пластинок, а по поводу имеющихся каренатных скребков Р.Дэвис замечает, что они одни вряд ли могут служить в качестве диагностической формы для ориньяка, поскольку имеют широкое распространение во времени и в пространстве и встречаются в неориньякских контекстах (Davis 1978: 53).

Антропологических находок в 3-м слое Кара-Камаре не было. Неизвестен и физический тип носителей барадоста. Мустье в Загросе, как и в сопредельных с Ираном и Афганистаном районах бывшей советской Средней Азии, несомненно, связано с неандертальцами (Шанидар, Тешик-Таш).

Малая Азия. К сожалению, о раннем верхнем палеолите этого полуострова, занимающего столь важную географическую позицию на стыке Европы и Азии, никаких достоверных сведений пока нет. Памятников, относящихся к интересующему нас периоду, здесь до сих пор не было известно. Впрочем, вряд ли приходится сомневаться, что это объясняется не их действительным отсутствием, а всего лишь слабой изученностью палеолита региона. Вполне возможно, что анатолийское «белое пятно» таит в себе немало сюрпризов, и по мере того, как оно будет заполняться, многое в существующих представлениях о генезисе ранних верхнепалеолитических индустрий придется пересмотреть.

Мустьерские памятники Малой Азии, судя по находкам в пещере Караин, были оставлены неандертальцами (Otte et al. 1998: 428-429).

Балканы. О самых ранних стадиях верхнего палеолита на Балканском полуострове пока приходится судить в основном по материалам пещер Темната и Бачо Киро в Болгарии. Можно

ожидать, что корпус источников по этой теме расширится с опубликованием результатов раскопок в пещере Теопетра (Adam 1996: 64) и пещере 1 в ущелье Клисуре (обе в Греции).

Индустрия слоя VI сектора TD-I Темнаты, возраст которого, судя по единственной ТЛ дате, 67000+-11000 тыс. л. н., расценивалась Я.Козловским как «позднейшая фаза балканского мустье-леваллуа, эволюционирующего в сторону обретения некоторых верхнепалеолитических черт, подобно индустриям Бокер Тахтит в Леванте» (Kozlowski 1992: 8-9). Допускалась даже филетическая связь между этой индустрией и богунисьеном (ibid.: 10). Однако, в опубликованном кратком описании инвентаря слоя VI (Ginter et al. 1996: 178-180) ничто не указывает на наличие каких бы то ни было типологических или технологических черт, более свойственных верхнему, чем среднему палеолиту. Такие черты появляются лишь в слое VI сектора TD-II, который, как свидетельствует стратиграфическая корреляция и абсолютные даты (ТЛ и C14), моложе слоев VI и V сектора TD-I, но явно древнее 39 тыс. л. н. и, возможно, даже несколько древнее 45 тыс. л. н. Здесь, наряду с ядрищами плоскостного принципа расщепления, мустьерскими остроконечниками и скреблами, представлены призматические нуклеусы, а также многочисленные и вполне типичные скребки. Исследователи Темнаты характеризуют индустрию слоя VI сектора TD-II как переходную от местного мустье-леваллуа к верхнему палеолиту с леваллуазской технологией (Ginter et al. 1996: 177, 183, 189), но следует учитывать, что мощность этого слоя составляет около 2 м, и артефакты рассеяны по всей его толще, так что «переходный» характер индустрии вполне может объясняться в данном случае механическим смешением материалов из более ранних мустьерских и более поздних верхнепалеолитических комплексов. Кроме того, не совсем ясно к какой части двухметровых отложений относятся имеющиеся даты. В качестве «переходных» предлагается теперь рассматривать еще слой 4-1 Самуилицы II (ibid.: 182), ранее определявшиеся как типичное мустье фации леваллуа (Sirakov 1983; Allsworth-Jones 1990; 212-213), но археологических аргументов в пользу пересмотра прежней оценки этого материала пока не представлено. Если судить об индустрии верхних слоев Самуилицы по описаниям (для сколов и орудий весьма подробным) и рисункам в работе Н. Сиракова (ibid.), то единственно возможным кажется вывод о чисто среднепалеолитическом характере всех четырех комплексов.

В слое 4 сектора TD-I и стратиграфически эквивалентном ему слое 4 сектора TD-V Темнаты представлена индустрия, которую, наряду с комплексом 11-го слоя Бачо Киро, обычно определяют как ранний или архаичный ориньяк (Kozlowski 1992: 11; 1996: 208; Straus 1993/1994: 1996; Ginter et al. 1996: 190-198), а когда хотят

подчеркнуть ее специфику, именуют «бачокирьеном» (Kozłowski et al. 1982). Технологически охарактеризованный очень плохо, «бачокирьен» с типологической точки зрения, действительно, специфичен, но не потому, что в нем есть нечто такое, чего нет в ориньяке или других ранних верхнепалеолитических индустриях, а, напротив, потому, что он лишен своеобразных, только ему присущих черт и вообще типологически крайне невыразителен. Орудийный набор состоит почти исключительно из скребков и пластин с ретушью, причем среди тех и других типичные ориньякские формы (кареноидные, с рыльцем, с талией) либо крайне редки, либо отсутствуют. В Темнате есть, правда, несколько стрелчатых скребков, но они часто встречаются и вне ориньяка. Если к сказанному добавить, что в бачокирьене нет также ни кареноидных резцов, ни орудий на пластинках и микропластинках (кремс, дюфур), то напрашивается вывод о неправомерности отнесения материалов 11-го слоя Бачо Киро и 4-го слоя Темнаты к ориньяку (см. об этом же Zilhão & d'Errico 1999: 42-43). Возраст этих слоев может быть определен лишь в очень широких пределах, поскольку каждый из них накапливался, по-видимому, в течение довольно продолжительного периода и включает несколько горизонтов. Древность низов и средней части слоя 4 Темнаты, судя по пяти АМС и двум ТЛ датам (Ginter et al. 1996: 176), не менее 37 и не более 45 тыс. л. н.; в этот же диапазон укладываются и обычные радиоуглеродные, а также АМС датировки, полученные для «бачокирьена» на эпонимном памятнике.

Самые ранние после бачокирьена верхнепалеолитические комплексы (Винча и Велика Печина в Хорватии, слои 9-6 Бачо Киро, верхи слоя IV Темнаты, Миток Малу Галбен в Румынии и др.) имеют на Балканах возраст порядка 31-34 тыс. л. н. Их с большей или меньшей степенью уверенности можно отнести к ориньяку. Вплоть до их появления на полуострове были распространены среднепалеолитические индустрии, многие из которых, таким образом, имеют более молодой возраст, чем бачокирьен, а некоторые, возможно, сосуществовали даже с ориньяком (Cârciumaru 1995, 1998).

Массовые антропологические находки, связанные с комплексами среднего палеолита, известны лишь на северо-западе Балкан, в Хорватии (Крапина, Винча, слой G3). Они уверенно определяются, как останки неандертальцев. Так же определяют и три фаланги, найденные в 3-м (мустьерском) слое стоянки Охаба Понор в Румынии (Allsworth-Jones 1986: 80, 207). О физическом типе гоминид, оставивших памятники раннего верхнего палеолита, судить труднее. Фрагмент детской нижней челюсти с одним моляром, происходящий из 11-го слоя Бачо Киро, упоминается в нескольких статьях Я.Козловского как принадлежащий *Homo sapiens sapiens*

(Kozłowski 1992:12, 1996: 211), но на самом деле, по мнению антропологов, ни челюсть, ни зуб не поддаются точной диагностике (Glen & Kaczanowski 1982) и вполне могут быть неандертальскими (Wolpoff 1996: 58-59). Более того, даже зубы из вышележащих ориньякских слоев 6a, 6b и 7, по заключению специалистов, описывавших этот материал, «очень похожи на зубы неандертальцев» (Glen & Kaczanowski 1982: 79). Последнее наблюдение приобретает особый интерес в свете только что опубликованных результатов прямого АМС датирования двух костей неандертальцев из слоя G1 Винчи. Оказалось, что их древность не превышает 28-30 тыс. лет (Smith et al. 1999). В слое, откуда происходят продатированные образцы, представлен инвентарь мустьеро-ориньякского облика, включающий и ряд костяных наконечников, в том числе один с расщепленным основанием (Karavanic & Smith 1998). К сожалению, попытка продатировать этот наконечник закончилась неудачей, и остается пока неясным, имеем ли мы здесь дело со своеобразной переходной индустрией, или же сочетание мустьерских и ориньякских элементов объясняется смешением материалов из разных слоев. На мой взгляд, более вероятно второе, но в любом случае поздний возраст неандертальцев Винчи, наряду с приведенной выше оценкой зубов из слоев 6-7 Бачо Киро, заставляет осторожнее относиться к решению вопроса о том, кто же были носители раннего верхнего палеолита вообще и раннего ориньяка, в частности, на Балканах. Достоверных останков людей современного физического типа соответствующего возраста в регионе нет. Лобная кость из слоя j Велика Печина, долгое время служившая главным доказательством связи раннего ориньяка («протоориньяка») с *Homo sapiens sapiens* при прямом АМС датировании дала голоценовую дату и, скорее всего, является интрузивной (Smith et al. 1999).

Западная Европа. Если оставить вне рассмотрения Британские острова, где, судя по имеющимся пока данным, первые верхнепалеолитические индустрии появляются сравнительно поздно (не ранее 31/32 тыс. л. н.), а памятников среднего палеолита, относящихся ко времени перехода, практически нет, то в пределах Западной Европы можно выделить три региона, культурная история которых в интересующий нас период складывалась по-разному. Первый из них включает почти весь Иберийский полуостров (районы к западу от реки Эбро), второй — Пиренеи и территорию Франции и Бельгии, а третий — Апеннинский полуостров и северную Италию.

Особенность первого региона заключается в том, что сюда новые веяния в области обработки камня и кости не проникали еще долгое время после того, как в соседней Франко-Кантабрии и к востоку от нее произошла смена сред-

него палеолита верхним. Самые поздние мустьерские памятники (Кова Негра, Зафарайя, Фугейра-Брава, Грута Нова да Колумбейра, Педрейра дас Салемас и др.) имеют здесь возраст около 30 тыс. лет и даже моложе (Vega Toscano 1990; Straus et al. 1993; Straus 1996, 1997; Maroto et al. 1996; Villaverde et al., 1998; d'Errico et al. 1998), и вплоть до этого же времени нет никаких свидетельств появления в регионе ориньяка или других верхнепалеолитических индустрий (Straus 1996: 210). Таким образом, можно думать, что на крайнем западе Европы переход к верхнему палеолиту совершился позднее, чем в каком бы то ни было ином районе континента (Villaverde et al. 1998: 185), причем нет сомнения, что носителями мустьерских традиций на Иберийском полуострове до самого конца были неандертальцы (Garralda 1997). О последнем говорит не только нахождение их останков в весьма поздних мустьерских комплексах (Бокет де Зафарайя), но и тот факт, что даже в морфологии детского скелета из недавно открытого в Португалии граветтского погребения отчетливо прослеживаются многочисленные неандертальские признаки (Duarte et al. 1999).

Во втором из выделенных регионов картина более пестрая и сложная. Здесь первостепенное значение для понимания характера перехода к верхнему палеолиту имеет решение вопроса о хронологическом соотношении местного ориньяка и шательперрона. Технично-типологические характеристики двух названных индустрий достаточно специфичны и не оставляют сомнений в их культурной обособленности и в том, что возникли они на разной основе, но как происходило их становление и, главное, играло ли при этом какую-то роль влияние одной на другую или взаимовлияние остается неясным.

Шательперрон, выделяемый, прежде всего, по специфическим ножам с ретушным обушком и характеризующийся наличием призматических нуклеусов и сочетанием верхнепалеолитических и среднепалеолитических форм в орудийном наборе (Harrold 1989; Levkque 1993; Pelegrin 1995; Rigaud 1996; d'Errico et al. 1998), почти наверняка представляет собой дальнейшее развитие мустье с ашельской традицией, с которым имеет не только схожую типологию (за вычетом характерных для МТА рубил), но и в значительной степени совпадающий ареал распространения. Этот ареал включает северо-восток Испании и юго-запад Франции, захватывая также некоторые центральные районы последней (север Бургундии). Полученные для ряда памятников ТЛ и АМС даты позволяют думать, что шательперрон в полностью сформировавшемся виде появился ранее 40 тыс. л. н. (Ле Мустье и Арси, слой IX), или, во всяком случае, не позднее 38 тыс. л. н. (Zilhão & d'Errico 1999).

Происхождение ориньяка, как известно, представляет собой старую и до сих пор еще не решенную проблему. В рассматриваемом

регионе он, по мнению подавляющего большинства затрагивавших эту тему авторов, распространился в результате миграции извне, хотя издавна существует и противоположная точка зрения, согласно которой его становление могло протекать в Западной Европе и на местной основе (напр.: Carbonell & Vaquero 1998). В частности, высказывается предположение, что в Кантабрии ориньяк вырос из местного мустье Кина, многие комплексы которого содержат кареноидные скребки и резцы (Cabrera Valdes & Bernaldo de Quiros 1996). Серьезные разногласия существуют относительно возраста древнейших ориньякских памятников (Mellars et al. 1999). Ж. Зилхао и Ф. д'Эррико, критически проанализировав имеющиеся на этот счет данные, пришли к выводу, что ориньяка старше 36,5 тыс. лет (радиоуглеродных) в Западной Европе пока неизвестно. По их мнению, аргументированному весьма солидно и убедительно, во всех случаях, когда на основании абсолютных датировок для ориньяка провозглашался более древний возраст (Арбрета, Эль Кастильо, Рекло Вивер и Абрик Романи в Испании, Тру Маргит в Бельгии), это было следствием либо неправильной (по крайней мере, спорной) интерпретации скудного и/или трудноопределимого археологического материала, либо чересчур упрощенного истолкования стратиграфии и, как результат, использования для датирования образцов, связь которых с ориньякскими материалами сомнительна (Zilhão & d'Errico 1999: 19-33).

Вывод относительно более раннего абсолютного возраста шательперрона по сравнению с ориньяком, разумеется, может оспариваться, особенно в том, что касается омоложения последнего (первые попытки такого рода уже предпринимались, напр.: Cabrera et al. 2000). Гораздо труднее подвергнуть сомнению тот факт, что в трех десятках случаев, когда две эти индустрии представлены в одной стратиграфической колонке, слои с шательперроном залегают ниже, а с ориньяком выше. Лишь для трех памятников — Ле Пиаж и Рок-де-Ком во Франции и Эль Пендо в Испании — сообщалось об обратной последовательности, но в Эль Пендо и Ле Пиаж шательперрон находится, скорее всего, во вторичном залегании в коллювиальных и делювиальных отложениях, а в Рок-де-Ком, как показал Ж.-Ф. Риго, имела место ошибочная корреляция слоев внутренней и наружной частей навеса (Zilhão & d'Errico 1999: 4-10). Таким образом, можно заключить, что данные по абсолютной и особенно относительной хронологии достаточно определенно указывают на то, что шательперрон появился в Западной Европе раньше ориньяка.

На двух шательперронских памятниках — в Арси-сюр-Кюр и Сен Сезар — были сделаны антропологические находки. В обоих случаях это останки неандертальцев (Hublin et al. 1996). В Сен-Сезаре их возраст определяется ТЛ датой

порядка 36 тыс. л. н., а в Арси (слой X) АМС датой около 34 тыс. л. н. Все человеческие кости, обнаруженные до сих пор в ориньякских комплексах региона, принадлежат людям современного физического типа (Gambier 1989, 1997). Однако, этот материал относится только к средним и поздним стадиям ориньяка, тогда как для ранних стадий определенных скелетных остатков людей неизвестно. Более того, если не считать челюсть из Кентс Кэверн в Англии, имеющую, согласно результатам прямого АМС датирования, возраст около 31 тыс. лет, то во всей Западной Европе нет пока костей *Homo sapiens sapiens*, о которых бы с уверенностью можно было сказать, что их древность превышает 30 тыс. лет.

На Апеннинском полуострове, т. е. в третьем из выделенных выше западноевропейских регионов, ситуация примерно такая же, как во втором, только место шательперрона здесь занимает улуццо. Для этой индустрии (Giola 1988; Bietti 1997) также характерно сочетание средне- и верхнепалеолитических типов в орудийном наборе, специфический облик которому придают крупные сегменты или сегментовидные ножи с обушком. Представлены также скребла, скребки, малочисленные резцы, *pièces éclatées*, а иногда, как в шательперроне, и костяные изделия, включая украшения. Технология пока не описана, известно лишь, что пластин среди заготовок очень немногих. Область распространения улуццо включала юг и центральные районы Апеннинского полуострова, хотя отдельные находки, могущие быть отнесенными к этой индустрии, известны и на севере. Имеющиеся для гротов Кавалло и Кастельчивита радиоуглеродные датировки указывают на сравнительно поздний — порядка 32–34 тыс. л. н. — возраст слоев с улуццо, но, тем не менее, на последнем из названных памятников и в гроте Фаббрика эти слои залегают под ориньякскими, в то время как обратная последовательность пока нигде не зафиксирована, как и случаи интерстратификации (Bietti 1997: 147).

Ориньяк на Апеннинах распространен повсеместно, но на севере (пещера Фумане, навес Рипаро Мочи и др.) он появляется, видимо, на две-три тысячи лет раньше, чем на юге (Кастельчивита, Пальиччи, Фаббрика и др.). Наиболее ранние ориньякские комплексы севера Италии (Фумане, слой А2; Рипаро Мочи, слой G) отличаются обилием ретушированных пластинок и микропластинок (дюфур, кремс, фонт-ив), тогда как кареноидные изделия и скребки с рыльцем, хотя и есть, немногочисленны (Broglia 1996; Kuhn & Stiner 1998). Интересно, что в пещере Фумане, где древнейший и надежно датированный несомненно ориньякский слой А2 имеет возраст порядка 36–37 тыс. л. н., его подстилает тонкий горизонт, содержащий несколько изделий, типичных для улуццо (Broglia 1996: 239). Однако, представительных комплексов

этой индустрии на севере региона пока неизвестно, и вопрос о ее хронологическом соотношении с ориньяком остается открытым.

Открытым остается и вопрос о физическом типе носителей улуццо. Имеющиеся антропологические находки — два молочных зуба из Кавалло — слишком скудны, чтобы на их основе делать какие-то определенные выводы. Достоверных костных останков людей раннего ориньяка на Апеннинах также пока нет (Bietti 1997: 136), а позднее мустье связывается с неандертальцами (грот Брейля).

Центральная Европа. Этому региону принадлежит безусловное первенство по количеству культур или индустриальных типов, выделенных для конца среднего-начала верхнего палеолита. Помимо развитаго микока, селета, богунисьена, и ориньяка, на слуху такие термины как бабониан, янковичьен, мустье с микокким влиянием, шипкиен, альтмюлиан, ольшевиан, ежмановице и т.д. При этом хорошо исследованных стратифицированных памятников здесь не так уж и много — больше, правда, чем на Балканах, но значительно меньше чем вдалеке не столь пестрых по культурному содержанию Леванте или Западной Европе. Отмеченное индустриальное разнообразие может объясняться срединным положением региона и/или его орографией (наличие труднопреодолимых горных барьеров, разделяющих центр Европы на несколько достаточно изолированных частей), хотя отчасти оно, видимо, несколько преувеличено в результате того, что, пользуясь выражением Э. Маркса и К. Монигал (см. их статью в этом журнале), можно назвать «чересчур ярным классифицированием».

Из индустрий, перечисленных выше, безусловно переходными являются селет и богунисьен. Об этом свидетельствуют как их типологические характеристики, так и возраст. В обоих случаях древность наиболее ранних комплексов превышает, вероятно, 40 тыс. лет, и в обоих случаях мы имеем дело со среднепалеолитической в основных ее чертах технологией первичного раскалывания и смешанным орудийным набором, в котором всегда хорошо представлены, хотя не всегда преобладают, верхнепалеолитические элементы.

Селет (Allsworth-Jones 1986; Svoboda 1988; Svoboda, Siman 1989; Oliva 1991, 1995) определяется, главным образом, по наличию многочисленных и морфологически весьма разнообразных бифасиальных листовидных наконечников, которые вместе с наконечниками ежмановице составляют обычно от 5% до 15% всех орудий, а в исключительных случаях (Джезераны) и до 25%. Важной стилистической характеристикой этой индустрии «является широкое использование плоской ретуши для оформления не только наконечников, но также скребел, скребков и иных типов изделий» (Svoboda & Siman 1989:

310). Кроме наконечников, обычны скребки, среди которых встречаются кареноидные (последние могут составлять от 1 до 4% орудий), но скребла часто еще более многочисленны и иногда преобладают, составляя до трети всех орудий. Резцы, как правило, редки, особенно ретушные (больше срединных). Технология в основном ориентирована на получение отщепов и считается нелеваллуазской. По мнению И. Свободы и К. Шиман (*ibid.*: 307, 310), к селету, помимо пещерных и открытых стоянок, следует относить также ряд мастерских, инвентарь которых несколько более «архаичен» и выделяется иногда в особые индустрии, рассматриваемые как среднепалеолитические (развитой микок в Моравии) и даже ашельские (бабониан в Венгрии).

Главная зона распространения селета — территория Венгрии, Чехии и Словакии, но не исключено, что на юге и востоке она включала также смежные районы сопредельных стран (в частности, карпатскую Украину, где имеется такой комплекс, как слой II Королево II). Если вслед за Ф. Олсворс-Джоунсом (Allsworth-Jones 1990: 163) считать разновидностью селета ежмановскую индустрию, то в эту зону войдет и юг Польши, а кроме того есть основания относить к селету ряд памятников в центральной и южной Германии (Freericks 1995).

Радиоуглеродные датировки, полученные для ежмановского комплекса в пещере Нетопежовой (Польша), а также для ряда памятников классической зоны селета (Ведровице V в Чехии, Чертова Печь в Словакии, нижний слой пещеры Селета в Венгрии), весьма близки и не оставляют сомнения в том, что начальная стадия этой индустрии относится ко времени никак не позднее 38 тыс. л. н., а скорее всего, древнее 40 тыс. л. н. Об этом же говорит и стратиграфическое положение ряда селетских комплексов Словакии, где они связаны с почвами, соответствующими, как считается, интерстадиалу Хенгело. Большинство исследователей выводят селет из микока, причем издавна и поныне весьма популярна точка зрения, что обогащение его верхнепалеолитическими элементами явилось следствием контактов с ориньяком (Prosek 1953; Валох 1969; Allsworth-Jones 1986, 1990). Сравнительно поздняя дата для верхнего слоя Селеты (около 32 тыс. л. н.) послужила основанием для вывода, что эта индустрия сосуществовала с граветтом (Gabori 1990), а М. Олива, исходя из наличия немногочисленных листовидных наконечников в павловьене, даже рассматривает селет как «возможное связующее звено между средним и развитым верхним палеолитом» (Oliva 1991: 320), считая его причастным к генезису павловского граветта (Oliva 1988: 129, 1991: 324; см. также Svoboda & Siman 1989: 320).

Стадиальный аналог селета — богунисьен (Svoboda 1986, 1988; Svoboda & Skrdla 1995) — характеризуется, в отличие от первого, леваллуазской и притом в значительной степени пла-

стинчатой технологией. Пластины в разных памятниках составляют от 20% до половины заготовок. Довольно широко использовалась техника реберчатого скола, которую исследователи богунисьена считают верхнепалеолитической (что вряд ли верно). Во всех комплексах в большом числе представлены леваллуазские острия, простые скребла и зубчато-выемчатые изделия. Везде есть также скребки, оформленные нередко на широких отщепах, тогда как резцы либо многочисленны (Брно-Богунице), либо отсутствуют (Странска Скала III, слой 5). Встречаются, хотя и не часто, высокие «ориньякские» скребки. Листовидные наконечники отсутствуют в обеих Странских Скалах (III, слой 5 и IIIa, слой 4), но есть на эпонимном памятнике, а также в огромной коллекции подъемного материала с местонахождения Лишень. Подчеркивая последнее обстоятельство, Ф. Олсворс-Джоунс ставит под сомнение правомерность выделения богунисьена в качестве особой традиции, предлагая рассматривать его как часть селета в широком смысле (Allsworth-Jones 1990: 185-187). Это, однако, не единственное объяснение нахождения листовидных острий на названных памятниках (один из которых, напомним, является местонахождением подъемного и, по всей вероятности, смешанного материала). По мнению М. Оливы, эти «престижные» изделия в богунисьене могут быть «аллохтонного» происхождения (Oliva 1988: 129), то есть, попросту говоря, их наличие может объясняться контактами с носителями селетских традиций.

На возможность и даже высокую вероятность таких контактов определенно указывают хронология и география богунисьена. Для трех основных богуницких комплексов (Брно-Богунице, Странска Скала IIIa, слой 4, Странска Скала III, слой 5) имеется шесть хорошо согласующихся между собой и со стратиграфией памятников радиоуглеродных дат (от 43 до 38 тыс. л.н. без учета стандартного отклонения, или от 45 до 37 тыс. л.н. с его учетом), говорящих о том, что данная индустрия существовала с конца первого вюрмского пленигляциала и до начала интерпленигляциала (хенгело) включительно. Область ее распространения была, судя по имеющейся сейчас информации, ограничена неширокой полосой, тянущейся вдоль юго-восточного склона Богемского массива, причем местонахождения расположены, как правило, вблизи источников сырья (роговики). Интересно, что единственный явно близкий богунисьену памятник за пределами этой зоны — Куличивка на западе Русской равнины (см. статью В. Козна и В. Степанчука в этом номере журнала) — также находится в непосредственной близости с богатыми выходами кремня.

Далека пока от разрешения проблема происхождения богунисьена. Являя необычную для среднего палеолита Центральной Европы технологию, он не имеет столь же явных местных

корней, как селет, и потому в поисках истоков этой индустрии ее исследователи обращаются либо на восток, к молодцовскому мустье (Valoch 1990), либо на юг, к балканским и ближневосточным леваллуазским комплексам (см. статью Г.Тостевина в этом номере).

Помимо селета и богунисьена в регионе известен еще ряд предположительно переходных или очень ранних верхнепалеолитических индустрий, которые, ввиду либо скудости материала, либо неясности хроностратиграфического положения, пока не играют заметной роли в дискуссиях по рассматриваемой в этой статье проблеме. Таков, например, комплекс 4-го слоя Виллендорфа (Hahn 1993), а на востоке Центральной Европы, в Закарпатье, таковы некоторые комплексы Королево I и II. Для слоя 1а Королево I, залегавшего, как считалось, под мустьерским слоем и брерупской почвой, постулировался даже раннеюрмский возраст (Адаменко и др. 1989), но теперь Л.В. Кулаковская, принимавшая участие в исследовании памятника, рассматривает находки из перекрывающего слоя как непалеолитические и выражает серьезные сомнения в правильности датировки почвы (Кулаковская 1999: 154, 157). Еще раньше такие сомнения высказывали другие исследователи, относя оба королевских ранневерхнепалеолитических комплекса ко времени, непосредственно предшествующему интерстадиалу Хенгело (Аникович 1991: 12-14). Л.В. Кулаковская считает также, что в слое II Королево II представлен не верхнепалеолитический, а среднепалеолитический материал (Кулаковская 1999: 158).

Ни на одном хорошо изученном памятнике Центральной Европы не зафиксировано интерстратификации слоев с селетом или богунисьеном с ориньякскими слоями. В тех немногочисленных случаях, когда эти индустрии представлены в одной культурно-стратиграфической колонке (как, например, в Странска Скале IIIa или Подградем), ориньяк неизменно залегают выше. Правда, между двумя основными слоями Селеты были, как будто, встречены ориньякские изделия, включая костяной наконечник с расщепленным основанием, но материал этот в основном происходит из раскопок начала века и надежная стратиграфическая привязка возможна не более чем для 10% находок (Svoboda, Siman 1989: 301). Радиоуглеродный возраст ранних ориньякских комплексов в Центральной Европе, как правило, не превышает 33-35 тыс. лет (Холенштайн-Штадель, Фогельхерд, Вильдшойер, Подградем, Странска Скала IIIa, слой 3, Странска Скала IIIb, слой 4, Странска Скала II, слой 4, верхний слой Ишталлошко, Дивье Бабе и др.). Более древние даты имеются только для нижнего слоя пещеры Ишталлошко (Венгрия), слоя 3 Виллендорфа II (Австрия) и слоев III и II пещеры Гейсенклостерле (юго-запад Германии), но во всех трех случаях под сомнение ставится

либо связь датированных образцов с ориньякским материалом, либо правомерность определения материала в качестве ориньякского, либо, наконец, и то и другое.

В Ишталлошко возраст нижнего слоя, согласно двум радиоуглеродным определениям, может быть порядка 40-45 тыс. л. н. Однако, орудия из этого слоя недостаточны для культурной атрибуции индустрии (Svoboda 1993: 30, Svoboda & Siman 1989: 311), а связь костяных наконечников с расщепленным основанием с образцами, послужившими для датирования, некоторыми исследователями категорически отрицается (Svoboda et al. 1996, цит. по Zilhão & d'Errico 1999: 42). Древность 3-го слоя Виллендорфа II, установленная АМС и обычным радиоуглеродным датированием, составляет 38-39 тыс. л. н. (Dambon et al. 1996: 182, 184), но происходящий отсюда инвентарь очень беден и, за исключением скребков высокой формы, не содержит изделий, которые позволяли бы проводить параллели с ориньяком. Й. Хан не называл слой 3 ориньякским, а лишь отмечал его «большую ориньякоидность» по сравнению с материалом нижележащего слоя 2, давшего «неопределимую ранневерхнепалеолитическую» индустрию (Hahn 1993: 69). Несомненный ориньяк начинается в Виллендорфе со слоя 4, возраст которого около 32 тыс. лет. Непроста ситуация и в Гейсенклостерле, где так называемый «протоориньякский» слой III с ТЛ и АМС датами от 37 до 43 тыс. л. н. дал трудноопределимый и, возможно, смешанный материал, а ориньяк слоя II датируется (также АМС и ТЛ) временем от 33 до 36 тыс. л. н. при наличии одной ТЛ даты около 38 тыс. л. н. (см. подробный анализ датировок в Zilhão & d'Errico 1999: 34-39).

Находки костей и зубов гоминид в слое 7а Кульны (поздний микок), в Шубалюке (позднее мустье), а также в Джерава Скале и Марьярмете-Фелсо (янковичьен) однозначно свидетельствуют о связи индустрий конца среднего палеолита с неандертальцами. Скелетных остатков людей на памятниках селета и богунисьена пока не найдено, но, если относить к селету янковичьен, как это делает Ф. Олсворс-Джоунс (Allsworth-Jones 1990: 162), то вопрос о носителях этой индустрии, по крайней мере, на раннем ее этапе решается к удовольствию тех многочисленных авторов, кто вслед за Л. Вертешем, считает создателями селетских традиций неандертальцев (Allsworth-Jones 1986: 208). Костные останки, обнаруживаемые в ориньякских комплексах Центральной Европы, всегда принадлежат людям современного физического типа, но возраст их, даже если брать крайние значения датировок с учетом стандартного отклонения, ни в одном случае не превышает 32 тыс. лет. Большую древность имеет только лобная кость из Ханферсэнда, для которой прямым датированием двумя методами (C^{14} и аминокислотная

рацемизация) была получена дата 36 тыс. л. н., но эта находка, во-первых, не может быть связана с какой-либо палеолитической индустрией, а во-вторых, обладает рядом признаков, свойственных, скорее, неандертальцам, чем *Homo sapiens sapiens* (Bräuer 1981). Важные антропологические находки из пещеры Младеч (Чехия), связываемые с ориньяком, не имеют стратиграфической привязки и возраст их может быть определен лишь прямым датированием.

Русская равнина. На огромной территории Русской равнины имеется не более десятка представительных в археологическом отношении комплексов, с уверенностью датированных временем начальной поры верхнего палеолита (древнее 30 тыс. л. н.), причем почти все они сосредоточены в пределах одного села (Костенки). Не лучше обстоит пока дело и с памятниками конца среднего палеолита, которые известны лишь на юге и западе региона, да и там малочисленны и плохо датированы (за одним-двумя исключениями). Отличительной чертой раннего верхнего палеолита Русской равнины является его индустриальное разнообразие. Памятники, возраст которых превышает 30 тыс. л.н., отнесены к нескольким археологическим культурам, и дело здесь явно не в «чересчур рьяном классифицировании», а в очевидной специфичности технико-типологических характеристик каменного инвентаря. Еще одна особенность региона, отличающая его от всех других частей Европы — это отсутствие среди индустрий рассматриваемого периода ориньяка, который представлен на Русской равнине только поздними комплексами (в частности, Костенки 3, слой III).

Наиболее ранние памятники в Костенках датируются по С14 временем от 32 до 36/37 тыс. л. н. (Синицын и др. 1997), попадая, таким образом, как раз в тот хронологический интервал, внутри которого «надежное упорядочение событий посредством радиоуглеродных определений невозможно» (см. статью Э. Маркса и К. Монигал в этом номере). Однако, залегание ряда комплексов в ископаемой почве под прослоем вулканического пепла позволяет связывать их с кашинским интерстадиалом (Аникович 1993: 13) и говорить о том, что они древнее 35 тыс. л.н. (Синицын и др. 1997, Синицын 1999; Аникович 1999; см также статью М.В. Аниковича в этом номере), а возможно, даже 38 тыс. л. н. (Hoffecker 1999:137). Большинство этих древнейших памятников относят к двум культурам: спицынской (Костенки 17, слой II, Костенки 12, слой II) и стрелецкой (Костенки 12, слой III, Костенки 6, возможно, Костенки 1, слой V), которым несколько уступает в возрасте тоже довольно ранняя городцовская культура (Костенки 15, Костенки 14, слой II). Особняком стоит пока IVб слой Костенок 14 с его развитой костяной индустрией (см. статью А.А. Синицына в этом но-

мере) и еще несколько комплексов, давших недостаточный для культурной атрибуции материал.

Стрелецкая культура (Рогачев 1957; Рогачев, Аникович 1984: 179-181; см. также статью М.В. Аниковича в этом номере) выделяется, прежде всего, по бифасиальным треугольным наконечникам, часто имеющим вогнутое основание (Bradley et al. 1995; Аникович и др. 1998). В ее инвентаре сочетаются средне- и верхнепалеолитические черты, причем первые ощущимы не только в самых ранних, но и в поздних стрелецких комплексах, датированных временем порядка 25 тыс. л. н. и известных далеко к югу (Бирючья Балка 2 на Северском Донце) и северу (Сунгирь на Клязьме, возможно, Гарчи в Предуралье) от Костенок. Спицынская культура, в отличие от стрелецкой, известна только в Костенках, представлена только памятниками «изпод пепла» и лишена, как считается, каких бы то ни было архаичных черт. Ее иногда относят к древнейшим ориньякоидным комплексам Европы (Аникович 1999: 74), хотя уместность применения термина «ориньякоидный» в данном случае небесспорна. Городцовские памятники отличаются обилием изделий с чешуйчатой подтеской, а главное, необычайно развитым для столь раннего времени костяным инвентарем.

Отсутствие в центре Русской равнины сколько-нибудь представительных комплексов среднего палеолита с давних пор и поныне вынуждает археологов, ищущих истоки ранних костенковских культур, обращать свои взоры далеко на юг, к предгорьям Кавказа и в Крым (Рогачев 1957: 132; Chmielewski 1972: 176; Аникович 1999), а то и на восток, в Приуралье и даже за Уральский хребет (Гладилин, Демиденко 1989). В частности, для городцовской культуры предполагается генетическая связь с индустрией Ильской стоянки (Северный Кавказ), а для стрелецкой с крымским микоком, хотя некоторые исследователи, основываясь на результатах недавних работ в Буран-Кае III (см. ниже), последнюю гипотезу категорически отвергают (Маркс, Чабай 1998; Чабай и др. 1998: 38; см. также статью В.П. Чабая в этом номере). Выделяемая в спицынскую культуру индустрия нижнего слоя Костенок 17 не имеет явных аналогий в памятниках предшествующего периода, и относительно ее генезиса трудно сказать что-либо определенное.

Кроме стоянок первой хронологической группы Костенок к периоду, соответствующему интерстадиалу Хенгело, на Русской равнине относят слои 10а и 10б Молодовы 5 и слой 10 Кормани 4, но в археологическом отношении эти комплексы столь бедны, что не всегда даже можно с уверенностью сказать, являются ли они верхнепалеолитическими. В других случаях, наоборот, инвентарь памятников богат и выразителен, и позволяет допускать их значительную древность в рамках верхнего палеолита, но

многочисленные абсолютные датировки свидетельствуют об относительно молодом возрасте (Брынзены 1, слой 3). Пожалуй, за пределами Костенок на Русской равнине лишь 7-й слой Бирючьей Балки 1в (устье Северского Донца), залегающий в суглинках под почвой, связываемой с брянским потеплением (Matioukhine 1998, Матюхин 1999), и 3-й слой Куличивки (Вольтынь), имеющий радиоуглеродную дату 31 тыс. л. н. и не противоречащую ей стратиграфическую позицию (Савич 1987), могут более или менее уверенно рассматриваться как комплексы начальной поры верхнего палеолита, хотя возраст их еще нуждается в уточнении. Первый из этих памятников, давший бифасиальные треугольные наконечники, тяготеет к стрелецкой культуре, а второй по ряду черт в технологии и типологии сближается с богунисьеном (см. статью В. Козна и В. Степанчука в этом номере). Следует упомянуть еще известную крупными листовидными бифасами стоянку Непряхино в саратовском Заволжье, возраст нижних слоев которой определяется ее исследователем как «финальнумустьеерский — ранне-верхнепалеолитический» (Захариков 1999).

Антропологические материалы по палеолиту Русской равнины очень скудны. Для среднего палеолита их, практически, нет (за исключением трудноопределимого зуба из четвертого слоя Рожка 1 в Приазовье и ряда находок не совсем ясного происхождения и таксономического статуса, вроде бедра «палеоантропа» из Романкова), а для верхнего палеолита они хотя и есть, но немногочисленны и сосредоточены почти исключительно только в Костенках и Сунгире. Считается, что носителями всех верхнепалеолитических культур региона были люди современного физического типа, но следует иметь в виду, что для спицынской культуры это заключение базируется на изучении одного единственного зуба, найденного в нижнем слое Костенок 17, а для стрелецкой на хотя и богатых, но хронологически довольно поздних скелетных материалах из Сунгира, для которых к тому же отмечается наличие некоторых неандерталоидных черт. Костяк неантропа из погребения на Маркиной горе (Костенки 14), если последнее не впущено из слоя 3, должен быть древнее этого слоя, то есть иметь возраст более 31 тыс. л. н., а скелетные остатки из погребения в Костенках 15 могут, как и культурный слой этого памятника, датироваться временем от 27 до 32 тыс. л. н.

Крым. Исследователи, ведущие раскопки в Крыму, сейчас единодушны во мнении, что средний палеолит, представленный мустье и микроком, «дожил» здесь до весьма позднего времени (порядка 28 тыс. л. н.) и в течение более или менее продолжительного периода сосуществовал с верхним палеолитом. Эти выводы базируются на анализе весьма обширного корпуса

данных по абсолютной и относительной хронологии целого ряда памятников, среди которых особенно важное значение имеют Заскальная V и VI, Староселье, Кабази II, Буран-Кая III и Сюрень I (Маркс, Чабай 1998; Чабай и др. 1998; Marks & Chabai 1998; Демиденко 1999; см. также статьи Э. Маркса и К. Монигал, В.П. Чабая, Ю.Э. Демиденко в этом номере). Аргументы, приводимые в пользу изложенной позиции, в целом весьма убедительны, но многое, естественно, еще нуждается в дальнейшем обосновании или уточнении. Во-первых, даты, имеющиеся для комплексов конца среднего-начала верхнего палеолита, практически во всех случаях взаимопротиворечивы, и, хотя при любом их истолковании заключение об относительно молодом возрасте финального микрома и/или мустье Крыма останется непоколебленным, уверенности в том, что эти индустрии (или одна из них) существовали здесь «вплоть до 28-27 тыс. л. н.» (Маркс, Чабай 1998: 434) быть пока не может. Датировки верхних слоев Кабази (мустье), Староселья и обеих Заскальных (микрома) не исключают и древность порядка 35 тыс. л. н., а относительно возраста слоя В Буран-Кая определенно можно сказать лишь, что он моложе слоя С, который сформировался где-то в диапазоне от 32 до 36/37 тыс. л. н. Во-вторых, есть ряд недостатков проясненных моментов в описании стратиграфии такого важного памятника, как Буран-Кая III. Это касается, прежде всего, соотношения слоев В и С. На опубликованных разрезах они изображаются слитно, а в описании упоминается, что выявлены они в одном и том же «геологическом подгоризонте» IVa, представляющем собой линзу, разделяющую слой III. Возникают вопросы: Каково взаиморасположение слоев В и С в плане? Разделены ли они стерильной прослойкой и, если нет, то как производилось расчленение материала на два комплекса? Каково, наконец, происхождение линзы? В-третьих, остается не совсем понятным, почему инвентарь слоя Е Буран-Кая определяется как верхнепалеолитический. Краткие описания и немногочисленные рисунки не убеждают в безальтернативности такой его атрибуции, а между тем она чрезвычайно важна.

Несмотря на эти и некоторые другие спорные или неясные моменты, не вызывает сомнения, что средний палеолит исчез в Крыму довольно поздно. Когда появился верхний палеолит, пока сказать нельзя, но точно известно, что ориньяк проник сюда как минимум 30 тыс. л. н. (Сюрень I), а минимальный возраст не имеющей аналогий индустрии с геометрическими микролитами (трапециями), тонкими листовидными наконечниками и костяным инвентарем (Буран-Кая III, слой С) 32 тыс. л. н. Утверждать на основании имеющихся данных, что верхний и средний палеолит в Крыму сосуществовали на протяжении 5-10 тыс. лет (Маркс, Чабай 1998: 436), наверно, все же преждевременно, но, по

крайней мере, эпизодическое сосуществование, похоже, действительно имело место, на что указывают материалы Буран-Каи III и, как показал Ю.Э. Демиденко (см. его статью в этом номере), Сюрени I.

Средний палеолит Крыма в его микокской разновидности определенно связывается с неандертальцами (Заскальная V и VI, Киик-Коба). Материалов для суждения об антропологическом типе носителей самых ранних верхнепалеолитических традиций, представленных в слое С Буран-Каи III, пока нет. В Сюрени I вместе с ориньякскими материалами был найден зуб, принадлежавший, как сообщается, *Homo sapiens*.

Кавказ. Несмотря на то, что и Северный Кавказ и особенно Закавказье богаты памятниками верхнего палеолита, среди которых, несомненно, есть и комплексы, относящиеся к ранним стадиям этой эпохи (пещеры Мезмайская, Каменноостская, Орвала-Клде и др.), объем достоверной и доступной информации о них пока крайне ограничен (Формозов 1971; Амирханов 1986; Любин 1989; Тушабрамишвили 1994; Голованова и др. 1998; Golovanova et al. 1999; см. также статью Л.В. Головановой в этом номере). Возможно, ситуация несколько изменится после опубликования результатов работ, ведущихся в последние годы исследователями из разных стран в Грузии, но сейчас сказать что-либо определенное о характере перехода к верхнему палеолиту на Кавказе чрезвычайно трудно. Можно лишь предполагать, что процесс этот завершился здесь сравнительно поздно, о чем свидетельствует, прежде всего, довольно молодой возраст ряда памятников среднего палеолита. Радиоуглеродные даты, полученные для верхних мустьерских слоев таких северокавказских пещер, как Воронцовская, Мезмайская (АМС) и Мыштулагты-Лагат (АМС), практически, идентичны — около 36 тыс. л. н. Такова же, судя по торий-урановой датировке, и древность самого позднего мустьерского комплекса в Ахштырской пещере (Любин 1989: 74). Возраст нижнего верхнепалеолитического слоя в Мезмайской пещере, согласно единственной АМС дате, 32 тыс. лет (Golovanova et al. 1999). Анализ стратиграфии и комплексов каменного инвентаря пещеры Орвала-клде также приводит к заключению, что переход к верхнему палеолиту произошел здесь сравнительно поздно и притом внезапно (Adler et al. 2000). Судя по довольно многочисленным, хотя в большинстве своем очень фрагментарным, антропологическим находкам, среднепалеолитические памятники Кавказа были оставлены неандертальцами (Баракаевская, Мезмайская, Матузка, Джручула, Орвала-Клде, Сакажия и др.), а физический тип носителей ранних верхнепалеолитических традиций пока неизвестен.

Средняя Азия. На территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана верхнепалеолитических памятников известно пока очень немного, на порядок меньше, чем среднепалеолитических (Вишняцкий 1996). В западных районах (Прикаспий) их, по существу, нет вообще (по крайней мере, достоверных), в северных (Центральный Казахстан) не решена проблема их идентификации, и лишь на востоке и юго-востоке (Тянь-Шань и Памир) верхний палеолит может быть выделен с уверенностью (Самаркандская стоянка, Ходжамазгиль, Сиабча, верхние слои Кульбулака, первый и второй слои Шугноу, Карасу, Шульбинка и несколько других, менее представительных, комплексов). Однако, что касается его генезиса, то на этот счет, ввиду крайней скудости добротных археологических и естественнонаучных данных и практически полного отсутствия внушающих доверие датировок, сейчас невозможны не только выводы, но даже и сколько-нибудь далеко идущие предположения. Можно отметить лишь, что для большинства известных индустрий, таких как Кульбулак, Карасу, Шугноу, характерно переживание в технике и/или типологии выраженных среднепалеолитических элементов, что дает некоторые основания осторожно допускать возможность их формирования на местной мустьерской основе, без резких перерывов постепенности развития.

Большое значение для прояснения рассматриваемой проблемы могло бы иметь решение вопроса о статусе индустрии грота Оби-Рахмат, материалы которого, по мнению одних авторов, являют картину постепенного превращения мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую (Сулейманов 1972; Ранов 1977: 214; Деревянко и др. 1998: 128), а по мнению других, мало различаются по слоям и в целом не выходят за рамки технико-типологической вариабельности, свойственной среднему палеолиту (Вишняцкий 1996: 126; Schäfer & Ranov 1998: 794). Чтобы установить истину, в данном случае было бы желательно не только заново проанализировать все старые коллекции, но и провести новые полевые исследования памятника, поскольку информация о характере залегания его геологических и культурных слоев крайне ограничена, а две старых урановых даты сильно расходятся между собой и не привязаны к каким-то определенным комплексам находок. В последнее время было также предложено рассматривать в качестве переходной индустрию Худжи (Schäfer & Ranov 1998: 796-797), для которой имеется радиоуглеродная дата около 38 тыс. л.н., но чем вызван пересмотр прежней оценки этого комплекса, долгое время считавшегося всеми мустьерским, пока не совсем понятно.

Антропологических материалов, которые можно было бы с уверенностью связывать с комплексами верхнего палеолита, в Средней Азии нет. Мустьерские памятники, судя по находке в Тешик-Таше, были оставлены неандертальцами.

Южная Сибирь. На Алтае и в ряде других районов Южной Сибири в последние годы было выявлено несколько ранних верхнепалеолитических памятников, возраст которых в ряде случаев достигает и даже, возможно, превышает 35 тыс. лет (Деревянко и др. 1998; см. также статью С.А. Васильева в этом номере). Особенное значение имеет обнаруженная на стоянке Кара-Бом (Алтай) переходная индустрия, близкая и по возрасту, и по общим технико-типологическим характеристикам переходным комплексам Ближнего Востока. Материалы, составляющие эту индустрию, происходят из так называемых уровней обитания 5 и 6, имеющих две близкие радиоуглеродные даты порядка 43 тыс. л. н.. Пластины здесь составляют более половины всех сколов, но техника их получения, судя по обилию фасетированных (около 40%) и во-

обще широких (т.е. не точечных и не линейных) площадок все еще в основном среднепалеолитическая. В орудийном наборе хорошо представлены выразительные скребки на пластинах, а также угловые резцы.

Интересно, что, судя по имеющимся датировкам, на Алтае некоторые мустьерские индустрии (пещера Окладникова) должны были сосуществовать с ранними верхнепалеолитическими (Derevianko & Markin 1999: 163). Не исключена такая возможность и для некоторых смежных регионов, где имеются довольно поздние среднепалеолитические памятники (Мохово II, Куртак IV).

Антропологические находки есть лишь для мустье. Зубы из Денисовой пещеры и пещеры Окладникова были описаны как неандертальские (Turner 1990).

II. Становление первых верхнепалеолитических индустрий: полицентризм, моноцентризм, аккультурация

Региональные сценарии, представленные в предыдущем разделе, являются частями большой и сложной картины перехода к верхнему палеолиту. В нынешнем состоянии ее можно рассматривать как своего рода мозаику, многие фрагменты которой отсутствуют, или, точнее, еще не найдены. Из имеющихся сейчас фрагментов, в большинстве своем весьма аморфных, законченную общую картину сложить невозможно, и все же попытка их соединения позволяет наметить, по крайней мере, ее контуры. При сопоставлении изложенных выше данных по разным регионам с достаточной степенью очевидности начинают вырисовываться определенные регулярности хронологического и географического плана, на которые можно опереться при решении ряда поднятых выше вопросов, касающихся становления и распространения первых верхнепалеолитических индустрий. Наиболее важные для последующего анализа обобщения могут быть сформулированы следующим образом:

1. Ареал распространения раннего верхнего палеолита, как уже отмечали некоторые авторы (Carbonell & Vaquero 1998: 392), почти в точности совпадает с ареалом расселения неандертальцев. Единственным возможным исключением из этого правила является Северная Африка, где достоверные останки неандертальцев пока не обнаружены, но ведь и ранний верхний палеолит здесь представлен всего лишь тремя памятниками, находящимися к тому же в смежных с Ближним Востоком районах и, очевидно, имеющими ближневосточные корни. Что касается Русской равнины, где есть ранний верхний палеолит, но присутствие неандертальцев не документировано антропологически, то здесь это, скорее всего, следствие разреженного и прерывистого характера заселения боль-

шей части региона в среднепалеолитическое время. Кроме того, сказались, видимо, и неблагоприятные тафономические условия, то есть отсутствие пещер. Наличие мустье и микока, носителями которых в соседних областях (Крым, Кавказ, Центральная Европа) были именно неандертальцы, практически не оставляет сомнений в том, что и на Русской равнине они жили, и что обнаружение их останков лишь вопрос времени. В регионах, где в позднем плейстоцене неандертальцев не было, но обитали гоминиды иных типов, верхнего палеолита либо нет вообще (Восточная и Юго-Восточная Азия, Австралия), либо он представлен только поздними памятниками (Индостан, большая часть Северной Азии), несмотря даже на очень раннее и длительное присутствие людей современного физического типа (Африка южнее Сахары).

2. Неандертальцы жили в Европе гораздо дольше, чем это было принято думать еще недавно. В ряде областей они продержались, по крайней мере, вплоть до начала граветтского времени. Прямые свидетельства этого, т.е. очень молодые костные останки *Homo neanderthalensis*, обнаружены на Иберийском полуострове и на Балканах, а косвенные, в виде столь же молодых мустьерских и микоцких памятников, и еще в ряде регионов (см. также статью О. Соффер в этом номере). Не исключено, что аналогичная ситуация имела место и за пределами Европы, на восточных окраинах ареала расселения неандертальцев, на что может указывать довольно поздний возраст некоторых среднепалеолитических комплексов Южной Сибири.

3. Нет прямых свидетельств присутствия на европейском континенте людей современного физического типа ранее 36/37 тыс. л. н. Более того, единственная антропологическая находка

в Западной и Центральной Европе, достоверно датированная временем древнее 32 тыс. л. н. и относимая к *Homo sapiens*, обладает рядом отчетливых неандерталлоидных признаков (лобная кость из Ханферсэнд), а самая древняя из восточноевропейских находок такого рода весьма фрагментарна (зуб из слоя II Костенок XVII). На Ближнем Востоке, несмотря на весьма раннее появление здесь людей современного или близкого к таковому физического типа, их костные останки также неизвестны для периода от примерно 80 до примерно 38-40 тыс. л. н.

4. Специфические изменения в составе орудийного набора и технологии обработки камня, маркирующие первую стадию процесса перехода к верхнему палеолиту, начались примерно одновременно в ряде подчас весьма удаленных друг от друга регионов Африки, Азии и Европы. В период от 43 до 38 тыс. л. н. индустрии переходного типа и/или начального верхнего палеолита наверняка уже существовали в Северной Африке (атер, даббан), на Ближнем Востоке, в Западной Европе (шательперрон), Центральной Европе (селет, богунисьен), на Балканах (бачокирьен), в Южной Сибири (карабомовский пласт), причем нет сомнений, что большинство их формировалось на местной основе. Не исключено, что где-то они появились даже несколько раньше (особенно это вероятно для Северной Африки и Ближнего Востока), но в целом начало культурных трансформаций в перечисленных регионах можно считать синхронным.

5. Проводниками столь схожих по своему содержанию и направлению инноваций выступали гоминиды, по меньшей мере, двух разновидностей. В Северной Африке (атер) это были люди современного или близкого к таковому физического типа, а в Западной Европе (шательперрон) — неандертальцы. Для четырех остальных регионов прямые данные об анатомическом облике носителей переходных и начальных верхнепалеолитических индустрий отсутствуют, хотя относительно Центральной Европы, где неандертальцы в рассматриваемый период времени еще процветали, а следов пребывания неантропов нет, вывод напрашивается сам собой.

6. Вторая и последняя стадия перехода, основное содержание которой составляет распространение ориньяка и других чисто верхнепалеолитических культур, не имеющих видимых корней в индустриях предшествующего периода, в отличие от первой, начинается в разных регионах в разное время. Раньше всего, порядка 38/39 тыс. л. н., она фиксируется в Передней Азии (барадост) и на Ближнем Востоке (ахмариан), затем, примерно 1-2 тыс. лет. спустя, на Русской равнине (нижние слои Костенок 14 и 17), в Центральной Европе (ориньяк) и на севере Западной Европы (ориньяк), затем, еще через 2-3 тыс. лет, на Балканах, Апеннингах и на Кав-

казе (ориньяк и другие индустрии) и, наконец, около 30 тыс. л. н., на Иберийском полуострове к западу от р.Эбро и в Крыму (ориньяк). В Европе, таким образом, распространение индустрий второй стадии перехода, представленных, преимущественно, ориньяком, идет, скорее, с севера на юг, чем наоборот, что еще больше запутывает вопрос об их происхождении, делая гипотезу азиатских корней маловероятной.

7. Надежных прямых данных о таксономическом статусе носителей тех верхнепалеолитических традиций, распространение которых рассматривается здесь как вторая стадия перехода, почти нет. Исключение представляет собой только ахмариан, уже самую раннюю стадию которого, благодаря находкам из слоя XVII Кзар Акил, можно определенно связывать с *Homo sapiens*. Достоверные антропологические материалы по барадосту отсутствуют, а по ориньяку имеются лишь для относительно поздних стадий его существования. Хотя эти поздние материалы определяются как останки людей современного физического типа, наверняка можно сказать лишь, что последние были носителями ориньяка в период после 32/31 тыс. л. н. (Straus 1993/1994: 197). Только на Русской равнине связь самого раннего верхнего палеолита с *Homo sapiens* можно считать установленной документально, хотя и здесь приходится делать некоторые оговорки: обильный антропологический материал из Костенок 14 не имеет определенного культурного контекста, а имеющий такой контекст материал из Костенок 17 представлен одним-единственным зубом.

Теперь, подведя итоги сделанному обзору данных, можно вновь обратиться к дилемме полицентризм/молицентризм и к проблеме аккумуляции. Как известно, их решение тем или иным автором часто во многом зависит от того, как он представляет себе происхождение людей современного физического типа, является ли он сторонником так называемой мультирегиональной модели, предполагающей постепенную преемственную эволюцию гоминид Африки, Европы и Азии, начиная, по крайней мере, с *Homo erectus*, или же сторонником противоположной ей взглядов, согласно которым люди нашего вида появились первоначально где-то в одном регионе (в Африке южнее Сахары или в восточном/южном Средиземноморье), откуда впоследствии стали расселяться по всей планете, замещая и, возможно, в какой-то мере ассимилируя гоминид иных видов, обитавших за пределами исторической прародины *Homo sapiens*. Хотя на самом деле пути биологического и культурного развития не обязательно должны были совпадать, и полицентристский образ эволюции в одной из этих сфер вполне мог сочетаться с молицентристским образом в другой, постулаты мультирегионализма (локальная преемственность) гораздо легче совместимы с поли-

центристской моделью перехода к верхнему палеолиту, а постулаты биологического моноцентризма (замещение коренного населения большинства регионов пришлым), естественно, много легче увязать с моноцентристской моделью. Поскольку же теории африканского или африканско-ближневосточного происхождения людей современного физического типа, получившие в последние 20 лет очень серьезное обоснование данными самых разных наук (обзоры и литературу см.: Вишняцкий 1990, 1999), имеют сейчас гораздо больше сторонников, чем мультирегионализм, то, соответственно, и в представлениях о характере культурной эволюции в эпоху перехода моноцентризм возоблад над полицентризмом.

Суть моноцентристской модели, при всех возможных вариациях в изображении деталей, определяется простой и старой идеей, согласно которой верхнепалеолитическая культура возникла в одном из районов первоначального расселения людей современного физического типа, а затем, по мере продвижения последних в другие регионы, распространялась вместе с ними. Когда стало известно о высокой вероятности связи шательперрона и селета с неандертальцами, в арсенал моноцентризма была включена гипотеза аккультурации, объясняющая становление этих и им подобных индустрий контактами автохтонного неандертальского населения соответствующих регионов с пришлыми носителями высокоразвитой культуры, в качестве которой, естественно, рассматривался и рассматривается ориньяк или ориньякоидный технокомплекс (Allsworth-Jones 1986, 1990; Demars 1990; Kozłowski 1992; Mellars 1996, 1996a). Истоки ориньяка, согласно опять таки давней традиции, при этом обычно ищут на западе Азии — на Ближнем Востоке (Mellars 1996: 410), в Анатолии (Kozłowski 1992: 13), или в районе Иранского нагорья (Olszewski & Dibble 1994), а Европе — «заповеднику неандертальцев» — отводится роль пассивного реципиента замечательных достижений «ориньякцев». Здесь, как считается, «становление верхнего палеолита проходило как аккультурационный процесс: местное население воспринимало и развивало новые культурные традиции под влиянием пришлого населения, принесшего уже сложившиеся верхнепалеолитические традиции (ориньякоидный технокомплекс)» (Аникович 1999: 74).

Очевидно, что как моноцентристская модель в целом, так и являющееся ее составной частью аккультурационистское объяснение происхождения ряда культур первой стадии перехода к верхнему палеолиту вступают в явное противоречие с изложенными выше фактами. Во-первых, и шательперрон, и селет, и богунисьен появляются в Западной и Центральной Европе раньше, чем в этих регионах (и где бы то ни было вообще) появляется ориньяк. Абсолютные датировки, указывающие на это, при желании еще

можно поставить под сомнение, ссылаясь на известные проблемы с радиоуглеродным методом датирования, но данные о стратиграфической последовательности комплексов однозначно свидетельствуют о том же. Во-вторых, пока нет доказательств присутствия в Европе людей современного физического типа ранее 36/37 тыс. л. н., и поэтому совершенно непонятно, кто мог осуществлять аккультурацию. Неизвестно, и кто были носители хронологически раннего (до 32/31 тыс. л. н.) ориньяка (Frayer 1992:12; Rigaud 1997: 167; Straus 1997:244-245), и хотя трудно разделить уверенность некоторых исследователей в неандертальском «авторстве» этой индустрии (Wolpoff 1996: 57), безоговорочно связывать ее с *Homo sapiens* тоже было бы преждевременно. В-третьих, внеевропейское происхождение ориньяка или ориньякоидного технокомплекса — теоретически вполне возможное и даже вероятное — ни в коей мере не является доказанным. Более того, отмеченная выше тенденция убывания возраста ориньякских памятников Европы с севера на юг является аргументом против выведения его из Западной Азии. Наконец, в четвертых, — и это, пожалуй, самое главное — среди основных черт большинства европейских индустрий первой стадии перехода нет таких, которые можно было бы рассматривать как наглядное свидетельство воздействия ориньяка. Особенно хорошо этот вопрос изучен сейчас для шательперрона, каменная и костяная индустрия которого совершенно оригинальны (Pelegrin 1995; d'Errico et al. 1998). В сущности, из всех областей Европы лишь на Русской равнине пока хронология древнейших верхнепалеолитических памятников не противоречит аккультурационной модели, а антропологические данные даже подкрепляют ее (Аникович 1991, 1994, 1999), но собственно археологический аспект проблемы здесь не разработан, т.е. не показано, в чем конкретно выразилось воздействие «ориньякского технокомплекса» на местный мустьерский субстрат и какие из черт инвентаря, например, стрелецкой культуры могли появиться в результате контактов, скажем, с культурой спицынской.

Гораздо лучше соответствует имеющимся фактам полицентристский сценарий начала верхнего палеолита. Как уже было сказано, индустрии первой стадии перехода формируются примерно в одно и то же время, причем происходит это в таких удаленных друг от друга регионах (Северная Африка, Ближний Восток, Западная Европа, Центральная Европа и Южная Сибирь) и дает такие взаимонеподобные результаты (атер, эмиран, шательперрон, селет), что сомневаться в независимом генезисе переходных комплексов вряд ли приходится. Не приходится сомневаться и в том, что к некоторым из них люди современного физического типа не имели никакого отношения, и что, по крайней мере, в Европе первые шаги перехода делали

неандертальцы. Последняя возможность, пока не доказано обратное, сохраняется также для Южной Сибири и Ближнего Востока. Сторонники гипотезы аккультурации, оспаривая независимое происхождение переходных и верхнепалеолитических индустрий рассматриваемого периода, ссылаются не на противоречащие этой гипотезе факты (их просто нет), а на малую, по их мнению, вероятность синхронного и спонтанного начала процесса перехода в разных регионах и среди разных видов гоминид (Mellars 1996: 416–417; 1998; Gamble 1999). Однако, как станет видно из следующего раздела, подобное совпадение не является чем-то необъяснимым и было, скорее всего, не случайным (как не была случайной, кстати, и примерная одновременность перехода к производящему хозяйству в ряде удаленных районов Азии и Америки).

Труднее решить дилемму моноцентризм/полицентризм применительно к индустриям второй стадии перехода. Если с ахмарианом ситуация в общем-то ясная — он вырастает из начального верхнего палеолита Ближнего Востока, — то о генезисе ориньяка или ориньякоидного технокомплекса нельзя сейчас сказать ничего определенного. С одной стороны, общее сходство ориньякских комплексов, особенно бросающееся в глаза на пестром культурном фоне предшествующего периода, свидетель-

ствует в пользу их монофилетического происхождения (Kozłowski 1988; Mellars 1996: 405–406). С другой стороны, несмотря на столетнюю историю исследований по этой теме, ни доказать генетическую связь ориньяка с какой-то одной среднепалеолитической или переходной индустрией, ни обнаружить исходный центр его формирования пока не удалось. Если даже подтвердится ранний возраст барадоста (что вполне вероятно), или будет найден очень древний ориньяк в Малой Азии (на что многие возлагают большие надежды), это не решит проблему окончательно, поскольку в Европе ориньякские комплексы распространялись, как кажется, не с юга на север и востока на запад, а наоборот. Таким образом, с версией полицентрического происхождения ориньяка, имеющей немало сторонников (Oliva 1993: 48–49; Straus 1997: 243–244; Carbonell & Vaquero 1998), также пока приходится считаться.

Хотя ориньяк, как уже говорилось, не оказал, скорее всего, никакого влияния на становление первых верхнепалеолитических индустрий в Европе, он почти наверняка имел отношение к исчезновению некоторых из них, в частности, шательперрона. Распространение ориньяка в период после 37 тыс. л. н. привело, фактически, к появлению «первой пан-европейской культуры» (Cabrera Valdes & de Quiros 1996: 253).

III. Возможные объяснения причин «верхнепалеолитической революции»

Решить проблему перехода к верхнему палеолиту — значит не только выяснить происхождение индустрий и культур, маркирующих начало этой эпохи и установить их хронологию, генетические корни и биологический субстрат. Это значит еще понять, в чем причины наблюдаемых в рассматриваемый период культурных изменений, т.е. почему вообще появилось и распространилось то новое, что определяет верхний палеолит как особую стадию культурного развития и отделяет его от стадии предшествующей. Рассмотрение этого вопроса лучше всего начать с анализа предлагавшихся объяснений «верхнепалеолитической революции».

Биологическое объяснение. Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, переход к верхнему палеолиту был прямым следствием появления людей современного физического типа. В качестве единственного фактора, ограничивавшего культурный прогресс у предшественников неантропов, при этом мыслится биологически обусловленный недостаток у них интеллектуальных, моторных и иных психофизических способностей. Однако, тот несомненный факт, что физическая организация задавала и задает определенный «потолок» потенциально возможных культурных достижений, вовсе не означает, что степень культурного развития была или является простой

функцией степени развития биологического. Подобное утверждение было бы неверно даже применительно к самым древним гоминидам, и тем более непригодно оно для объяснения изменений, имевших место при переходе от среднего палеолита к верхнему. В результате антропологических и археологических открытий последних лет, а также применения новых методов датирования выяснилось, что, во-первых, возраст наиболее древних костных останков людей современного физического типа намного превосходит возраст первых верхнепалеолитических памятников, а, во-вторых, что, по крайней мере в Европе, неандертальцы были создателями не только мустьерских, но и некоторых ранних верхнепалеолитических индустрий (см. выше). Из этого следует, что отсутствие признаков тех или иных культурных достижений в те или иные эпохи древнего каменного века далеко не всегда может быть объяснено биологическими ограничениями, и что переход к верхнему палеолиту совершался, скорее всего, вне прямой зависимости от эволюции человека. Кроме того, следует также иметь в виду, что, как уже говорилось в предыдущих разделах, до сих пор еще точно не известно ни с гоминидами какого типа связан генезис древнейших индустрий верхнего палеолита на Ближнем Востоке, ни даже кому мы обязаны происхождением ориньяка.

Аккумулятивизм. Часто развитие культуры в преистории, особенно в период после появления людей современного физического типа, рассматривают просто как результат постепенного накопления знаний и опыта, изобретений и открытий. В таком духе объясняли и иногда объясняют до сих пор даже «неолитическую революцию», не говоря уже о менее масштабных инновациях. Что касается изменений в технологиях обработки камня и кости, знаменующих переход к верхнему палеолиту, то здесь аккумулятивистское объяснение может сочетаться с биологическим, а может выступать самостоятельно. И в том и в другом случае суть его остается одной и той же: предполагается, что новое появилось потому, что люди, наконец, стали способны, научились это новое делать.

Рассмотрим этот тезис сначала применительно к обработке кости и рога. Как известно, на ряде средне- и даже нижнепалеолитических памятников костяные изделия встречены в довольно больших количествах, но в подавляющем большинстве случаев они представляют собой либо лишь незначительно модифицированные предметы, либо орудия, морфологически идентичные каменным артефактам, и изготовленные с помощью оббивки и ретуши. Последнее обстоятельство, т.е. применение к кости тех же приемов обработки, что и к камню, может быть истолковано как доказательство отсутствия в технологическом багаже доверхнепалеолитических культур таких методов работы с костью, как резание, строгание, шлифовка, сверление. Однако появляется все больше фактов, заставляющих усомниться в справедливости столь прямолинейного заключения.

Во-первых, не вызывает сомнения, что перечисленные методы использовались для изготовления деревянных предметов и были хорошо знакомы людям задолго до верхнего палеолита. Кроме известных, но принимаемых с оговорками, находок в Лерингене, Каламбо Фоллз и на ряде других памятников, об этом свидетельствуют — и свидетельствуют со всей очевидностью — несколько сделанных из ели копий и другие деревянные орудия, обнаруженные недавно на нижнепалеолитической стоянке Шенинген в Германии (Thieme 1997). Хорошо сохранившиеся в торфяниковых отложениях, копия изготовлены по одному стандарту, имеют тщательно заостренные (против волокон) концы и примерно одинаковую длину (около или чуть больше 2 м у целых экземпляров). Геологические условия залегания находок не оставляют сомнений в том, что возраст их составляет не менее 300 тысяч лет.

Во-вторых, в среднем палеолите теперь известны и костяные изделия, по своему совершенству и сложности изготовления ничуть не уступающие верхнепалеолитическим. Таковы, прежде всего, 7 наконечников с зазубренным краем, открытые в 1990 г. на расположенных в

близком соседстве стоянках Катанда 9, 2 и 16 (Заир). Наконечники изготовлены из ребер и трубчатых костей крупных млекопитающих посредством абразивной подготовки корпуса с последующим вырезанием шипов. Морфологически они идентичны однорядным мадленским гарпунам. Обнаружены также два наконечника без шипов и крупное кинжаловидное орудие неясного назначения. Возраст находок, судя по результатам ЭПР и ТЛ датирования, составляет от 80 до 155 тысяч лет, и даже если он завышен, связь описанных костяных изделий со средним палеолитом подтверждает характер сопровождающей их каменной индустрии (Yellen et al. 1995; Yellen 1998). Еще несколько весьма совершенных костяных орудий, и в том числе как минимум два симметричных округлых в сечении наконечника, созданных посредством шлифовки, найдены в 1993 и 1997 гг. в среднепалеолитических (древнее 40 тыс. лет) слоях пещеры Бломбос в ЮАР (Henshilwood & Sealy 1997). В Европе наиболее выразительные находки костяных изделий среднепалеолитического возраста (более 46 тыс. л.н.), изготовленных посредством строгания и шлифовки, происходят с памятника Сальзгиттер-Лебенштедт в северной Германии (Gaudzinski 1999). Судя по палинологическим данным, слой, где были найдены эти вещи, формировался в период господства в регионе тундровых ландшафтов, что могло обусловить дефицит древесного поделочного материала и вызвать необходимость замены его костью (ibid.: 140). Перечисленные факты дают достаточно веские основания полагать, что люди были способны изготавливать костяные орудия, аналогичные ориньякским и мадленским, уже задолго до времени перехода к верхнему палеолиту (Hayden 1993:117). Почему же, спрашивается, возникает вопрос, материалы, подтверждающие это, столь малочисленны? Если редкость находок деревянных изделий легко объяснить тафonomическими причинами, то для кости, которая сохраняется гораздо лучше, такое объяснение явно не годится. По-видимому, возможность переноса методов обработки дерева на кость, будучи вполне доступной, просто долгое время не использовалась (или использовалась лишь в исключительных случаях), поскольку не было практического смысла заменять один материал другим, менее податливым и требовавшим гораздо больших затрат труда и времени.

Сходным образом обстоит дело и с производством пластин и орудий на пластинах. Известно немало случаев, когда в среднепалеолитических и даже нижнепалеолитических индустриях пластины на какое-то время вдруг становились основным видом заготовок, а изготовленные на этих заготовках скребки, резцы, ножи с обушком (близкие или идентичные ножам шательперрон), и изделия геометрических форм (или просто с притупленным ретушью краем) начинали играть весьма заметную, а то и веду-

щую роль в орудийном наборе (краткий обзор и литературу см.: Вишняцкий 1993). При этом нужно подчеркнуть, что для получения пластин могли применяться технологии довольно близкие верхнепалеолитическим (Meignen 1994; Revillion 1994, 1995; Texier 1996:309-311). Пластинчатые индустрии такого рода свидетельствуют о том, что и в области обработки камня технический потенциал, необходимый для перехода к верхнему палеолиту, имелся в основном уже задолго до того, как 45-40 тысяч лет назад начались его интенсивная реализация на практике и, как следствие, дальнейшее развитие.

Таким образом, аккумулятивистское объяснение, как и биологическое, не способно объяснить многие факты. Очевидно, что, пытаясь объяснить те или иные изменения в культуре, имевшие место в палеолите вообще и при переходе от среднего палеолита к верхнему, в частности, нельзя исходить из посылки, что они были прямым и немедленным следствием появления соответствующих биологических или каких-то иных (открытие, изобретение, заимствование) возможностей. Имевшиеся возможности могли долгое время существовать в рецессивном, если использовать генетический термин, состоянии, оставаясь «непроявленными» вплоть до появления такой необходимости. *Объяснить распространение пластинчатых индустрий или костяных накопителей значит объяснить, прежде всего, не почему эти новации стали возможны, а почему они стали необходимы, почему понадобилась замена старых, многие десятки и сотни тысяч лет вполне себя оправдывавших технологий обработки камня и кости, новыми, зачастую более сложными и требующими больших затрат времени и энергии. Именно этот вопрос составляет суть проблемы перехода к верхнему палеолиту, и, не ответив на него, проблему не решить.*

Технологическое объяснение. Идея о том, что перво двигателем культурных изменений, начиная с преисторических времен, являлся технологический прогресс или вообще развитие производства, была и остается весьма популярной, особенно среди марксистски ориентированных исследователей (White 1959; Семенов 1993). Никто из них, однако, не сумел объяснить, что же вызывало изменения в самой технологической (производственной) сфере. Такой вопрос обычно просто не ставится, а если ставится, то решается в аккумулятивистском духе. Применительно к «верхнепалеолитической революции» технологическое объяснение попытался развить А.Гилман, но, как выясняется в самом конце его статьи, посвященной этой проблеме (Gilman 1984), причины совершенствования технологии он понимает так же, как Б.Хэйдена, а модель Хэйдена (Hayden 1981) представляет собой образчик чисто экологического объяснения (см. ниже).

Социологическое объяснение. Некоторые исследователи первопричину изменений, имевших место при переходе к верхнему палеолиту, видят в перестройке общественных (внутри и/или межгрупповых) отношений. Как правило, авторы, прибегающие к этой гипотезе, ограничиваются одной ее краткой формулировкой, не вдаваясь в подробности (White 1982), но есть и попытки подкрепить ее развернутой аргументацией. Одна из наиболее интересных попыток такого рода была предпринята О.Соффер, которая опирается в своих построениях, главным образом, на антропологические данные (Soffer 1992, 1994). Данные эти, однако, говорят лишь о том, что в рассматриваемый период устройство общества действительно, скорее всего, претерпело некие преобразования, но явились ли социальные трансформации причиной или только следствием изменений в иных сферах культуры, остается неясным. Более того, даже если допустить, что они были именно причиной, то все равно остается без ответа вопрос, почему они сами произошли (разве что мы опять прибегнем к биологическому или аккумулятивистскому объяснению), а также почему они повлекли за собой изменения, например, в технологии. Таким образом, и в данном случае проблему причинности никак нельзя считать решенной.

Лингвистическое объяснение. Согласно одному из наиболее популярных в современной литературе (особенно англоязычной) объяснений перехода к верхнему палеолиту, главной причиной этого события явилось обретение людьми языка, или, как иногда пишут, «современной формы языка», «развитого синтаксического языка» (Clark 1970:146-147, 1995; Noble & Davidson 1991; Mellars 1996:390-391, 1996b), который якобы явился катализатором социальных и иных изменений. Однако, во-первых, нет никаких прямых данных, которые подтверждали бы эту гипотезу (т.е. что язык появился или приобрел современную форму именно в рассматриваемый период), так что она остается пока «чисто спекулятивной» (Straus 1997:244), а во-вторых, лингвистическое объяснение, подобно технологическому и социологическому, выдвигая одну из сфер культуры в качестве ключевой для понимания всех трансформаций, имевших место при переходе к верхнему палеолиту, не отвечает на вопрос о причинах сдвигов в самой этой сфере (если в качестве такой причины указывают на произошедшее якобы усложнение мозга и/или речевых органов, то это превращает лингвистическое объяснение в биологическое).

Эколого-демографическое объяснение. Итак, рассмотрение наиболее популярных объяснений перехода к верхнему палеолиту приводит к выводу, что они в большинстве своем либо плохо согласуются с фактами (биоло-

гическое и аккумулятивистское объяснения), либо уязвимы с точки зрения логики постулируемых причинно-следственных связей (технологическое, социологическое и лингвистическое объяснения). Положительным исключением в обоих отношениях является, на мой взгляд, эколого-демографическое объяснение, которое поэтому, несмотря на отдельные слабые места, кажется наиболее перспективным. Суть его заключается в том, что первопричины культурных изменений, знаменующих переход к верхнему палеолиту, предлагается искать за пределами собственно культуры. Предполагается, что главным стимулом развития выступали в рассматриваемый период, как и вообще в преистории, факторы естественные, действие которых приводило к нарушению равновесия между средой и человеческими сообществами (т.е. экологического равновесия), а так называемые «прогрессивные» новации в технологии были, в конечном счете, лишь побочным результатом стремления сохранить в меняющихся условиях привычные образ и уровень жизни. Под естественными факторами подразумеваются, прежде всего, изменения климата и демографические процессы, но поскольку первые носили колебательный характер, ведущую роль, видимо, должны были играть вторые. Хотя в истории большинства, если не всех, человеческих популяций периоды их количественного роста чередовались с периодами сокращения, основной и для больших отрезков времени достаточно очевидной тенденцией было, несомненно, увеличение численности и, главное, плотности населения как отдельных регионов, так и планеты в целом (Cohen 1977). Правда, возможности для конкретных оценок в этой области более чем ограничены, но ряд фактов все же позволяет предполагать наличие причинно-следственной связи между демографической ситуацией, сложившейся к середине верхнего плейстоцена, и интенсификацией культурного развития, фиксируемой археологами как переход к верхнему палеолиту. Не вдаваясь здесь в детальный анализ данных по демографической и культурной динамике периода перехода, который лучше провести в отдельной работе, намечу лишь общие контуры картины.

Имеются как прямые, так и косвенные свидетельства значительного роста численности человеческих популяций в период, непосредственно предшествующий «верхнепалеолитической революции». На это согласно указывают данные таких разных наук, как генетика, палеозоология и археология. Исследования характера варибельности ДНК у современных людей приводят специалистов в этой области к выводу, что в интервале примерно от 100 до 50 тыс.л.н. должно было произойти нечто вроде демографического взрыва среди предковых популяций (Sherry et al., 1994; Harpending et al. 1998), а эпицентром этого взрыва являлась, скорее

всего, Африка (Reich & Goldstein 1998; Relethford & Jorde 1999). Об увеличении численности обитателей тогдашней ойкумены говорит, по-видимому, и тот факт (установленный для ряда памятников Ближнего Востока и Апеннин), что среди употреблявшихся людьми в пищу мелких животных в конце среднего палеолита заметно увеличивается доля представителей быстро размножающихся, но трудно добываемых видов (куропатка, заяц), тогда как доля представителей видов, характеризующихся противоположными качествами (черепашки, морские моллюски), напротив, сокращается. Кроме того, уменьшаются размеры последних, причем показано, что это не связано с климатическими факторами (Stiner et al. 1999). Наконец, судя по археологическим данным, именно в этот период, т.е. около 50 тыс.л. н., завершается в основном заселение Старого Света (кроме северо-востока Евразии). К концу среднего палеолита освоенными оказываются вся Африка, почти вся внеледниковая Европа, Средний Восток, Индостан, Центральная и Восточная Азия, значительная часть Сибири. В это же время, т.е. примерно 50-60 тыс. л. н. (или не позже 40 тыс. л. н., если брать самые осторожные оценки), начинается и проникновение людей в Австралию (Chappell et al. 1996; O'Connell & Allen 1998; Thorne et al. 1999), что можно рассматривать как косвенное свидетельство усиления демографической напряженности в «метрополии».

Признавая факт роста населения в рассматриваемый период, некоторые авторы считают его следствием прогрессивных технологических новаций (Mellars 1996a, 1998a; Cashel 1997; Ambrose 1998), вопрос о причинах которых при этом либо не ставится, либо решается в духе одной из рассмотренных выше гипотез. Однако, не отрицая возможного позитивного влияния изменений в способах жизнеобеспечения на численность человеческих популяций, не логичней ли предположить, что первоначально именно демографические факторы были причиной, а изменения в технологии — следствием? Интересно, что аналогичным же образом причина и следствие поменялись когда-то местами в представлениях о механизмах становления производящего хозяйства (это произошло в конце 60-х гг. под влиянием работ Э. Босеруп). Хронология и география перехода к верхнему палеолиту подтверждают предположение, что он совершался под стимулирующим воздействием демографических факторов. Во-первых, этот процесс в целом совпадает по времени с периодом экспансии *H. sapiens* в регионы, где автохтонным населением были *H. neanderthalensis*. Во-вторых, как уже было отмечено в предшествующем разделе, верхний палеолит появляется там и только там, где обитали неандертальцы (см. также Svoboda & Siman 1989: 320; Svoboda 1993: 34). В районах, где последние не жили и, следовательно, не состав-

ляли неантропам конкуренцию — в Африке к югу от Сахары, в Австралии, в Южной и Восточной Азии — нет и верхнего палеолита (либо он очень поздний). Напротив, в районах даже удаленных и изолированных от Европы, но с явными признаками присутствия там неандертальского населения (Южная Сибирь), известен и довольно ранний верхний палеолит.

Таким образом, есть основания думать, что серьезные сдвиги в обработке камня, кости, в символотворчестве и других сферах культуры, фиксируемые для ряда районов Африки, Европы и Азии начиная с периода около 45 тысяч л.н., были вызваны возрастающей конкуренцией за ресурсы в условиях, когда разрешение кризисов за счет оттока избыточного населения на свободные территории становилось все более проблематичным. Системы жизнеобеспечения, а вместе с ними и основные технологии, по необходимости должны были подвергнуться значительному обновлению (Orquera 1984), что и отразилось в археологических материалах, относящихся к рассматриваемому периоду. Если сделанное предположение верно, то **переход к верхнему палеолиту следует рассматривать как завершение фазы экстен-**

сивного развития культуры и переход к развитию интенсивному.

Главная слабость демографического объяснения перехода к верхнему палеолиту (присущая, впрочем, и всем другим объяснениям) заключается в том, что оно остается пока практически непроверяемым. Причиной здесь не только невозможность точных реконструкций численности и плотности доисторического населения, не только недостаточность и слабая изученность соответствующих археологических материалов, но и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного понимания того, как именно наблюдаемые изменения каменных и костяных изделий были связаны с изменениями в характере охоты, собирательства, стратегий жизнеобеспечения в целом. В чем вообще состояла предполагаемая интенсификация хозяйственной деятельности? Почему она потребовала смены орудийного набора и внедрения новых технологий? Какие преимущества давали последние их обладателям? Пока попытки углубленного рассмотрения этих вопросов предпринимались нечасто (Orquera 1984), а между тем именно в этой области, вероятно, скрывается ключ к решению всей проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладиллин В.Н., Поспелова Г.А., Солдатенко Л.В. 1989. Палеолитическое местонахождение Королево в Закарпатье // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. N.58. 5-25.
- Амирханов Х.А. 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука.
- Аникович М.В. 1991. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы. Автореферат докторской диссертации. Л.: ИИМК РАН.
- Аникович М.В. 1993. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. N.3. 3-19.
- Аникович М.В. 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические Вести. N.3. 144-157.
- Аникович М.В. 1999. О миграциях в палеолите // *Stratum plus*. N.1. 72-82.
- Аникович М.В., Б.А. Бредли, Е.Ю. Гиря. 1998. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // Археологические Вести. N.5. 42-54.
- Валох К. 1969. Начало верхнего палеолита в Средней Европе // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. N.36.
- Вишняцкий Л.Б. 1990. Происхождение *Homo sapiens*. Новые факты и некоторые традиционные представления // Советская археология. N.2. 99-114.
- Вишняцкий Л.Б. 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // Петербургский археологический вестник. N.4, с.7-16.
- Вишняцкий Л.Б. 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб: Европейский дом.
- Вишняцкий Л.Б. 1999. История одной случайности, или происхождение человека // *Stratum plus*. N.1. 10-51.
- Гладиллин В.Н., Демиденко Ю.Э. 1989. К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев. 187-194.
- Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. 1998. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987-1995 гг.) // Российская археология. N.3. 85-97.
- Григорьев Г.П. 1977. Палеолит Африки // П.И.Борисковский (ред.). Палеолит мира. Т.1. Л.: Наука. 45-193.
- Демиденко Ю.Э. 1999. Ориньяк типа Кремс-Дюфур Сюрени I (Крым): его варибельность и место в ориньяке Европы // Локальные различия в каменном веке. СПб. 113-115.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. 1998. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Ефименко П.П. 1953. Первообытное общество. Киев: Издательство АН УССР.
- Захариков А.П. 1999. Индустрии с бифасами и переход от мустье к позднему палеолиту в Европе // Археологический альманах. N.8. 197-206.
- Коробков И.И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // П.И. Борисковский (ред.). Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука. 7-185.
- Кулаковская Л.В. 1999. Палеолитические местонахождения в районе Королево // Археологический альманах. N.8. 153-158.
- Любин В.П. 1989. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука. 9-142.
- Маркс Э.Э., Чабай В.П. 1998. Переход от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Том 2. Новосибирск. 421-439.

- Матюхин А.Е. 1999. О ранней поре позднего палеолита на Северском Донце // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб: ИИМК РАН. 43-44.
- Ранов В.А. 1977. Основные черты периодизации палеолита Средней Азии // Иванова И.К., Праслов Н.Д. (ред.). Палеоэкология древнего человека. М.: Наука.
- Рогачев А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Материалы и исследования по археологии СССР. N.59. 9-134.
- Рогачев А.Н., М.В. Аникович. 1994. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Борисковский П.И. (ред.). Палеолит СССР. М.: Наука. 162-271.
- Савич В.П. 1987. Поздний палеолит Волыни // Черныш А.П. (ред.). Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наукова думка. 43-58.
- Семенов Ю.И. 1993. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М.
- Синицын А.А. 1999. Костенки 14 (Маркина Гора). 1998-1999 // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб: ИИМК РАН. 61.
- Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С., Сулержицкий Л.Д. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Синицын А.А., Праслов Н.Д. (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб: ИИМК РАН. 21-66.
- Сулейманов Р.Х. 1972. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан.
- Тушабрамишвили Н.Д. 1994. Средний палеолит Западной Грузии и этапы его перехода к верхнему палеолиту (по материалам Ортвала-Клде). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси.
- Формозов А.А. 1971. Каменноостская пещера — многослойная стоянка в Прикубанье // Материалы и исследования по археологии. N.173. 100-116.
- Чабай В.П., Маркс Э.Э., Отт М. 1998. Вариативность среднего и ранней поры позднего палеолита в Крыму // Археология. N.4. 19-47.
- Adam E. 1996. Upper Palaeolithic research in Greece (1990-1996) // M. Otte (dir.). Le Paléolithique Supérieur Européen. Bilan quinquennal 1991-1996. ERAUL 76. 63-71.
- Adler D.S., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Vekua A., Tvalcherlidze M., Muskhelishvili A. 2000. The Palaeolithic occupations at Ortvale Klde and their bearing on the prehistory of Transcaucasia. Paper presented to the annual meeting of the Paleoanthropology Society. Philadelphia, April 4-5.
- Allsworth-Jones P. 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford: Oxford University Press.
- Allsworth-Jones P. 1990. The Szeletian and the stratigraphic succession in Central Europe and adjacent areas: main trends, recent results, and problems for resolution // P. Mellars (ed.). The Emergence of Modern Humans. Ithica: Cornell University Press. 160-242.
- Ambrose S.H. 1998. Late Pleistocene human population bottlenecks, volcanic winter, and differentiation of modern humans // Journal of Human Evolution. Vol.34. 623-661.
- Anikovitch M.V. 1999. The formation of Upper Paleolithic cultures and anatomically modern humans: the east European perspective // Anthropologie. Vol.37. N.2. 115-123.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. 1993. The Levantine Aurignacian: an interim report // Actes du XII Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Vol.2. Bratislava. 277-282.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. 1996. Another look at the Levantine Aurignacian // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Colloquium XI. The Late Aurignacian. Forli. 139-150.
- Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Housley R., Laville H., Meignen L., Vogel J.C., Vandermeersch B. 1996. The dating of the Upper Paleolithic layers in Kebara Cave, Mt. Carmel // Journal of Archaeological Science. Vol.23. N.3. 297-306.
- Bergman C.A. 1981. Point types in the Upper Palaeolithic sequence at Ksar' Akil, Lebanon // Préhistoire du Levant. Paris: Editions du C.N.R.S. 319-330.
- Bergman C.A., Stringer C.B. 1989. Fifty years after: Egbert, an Early Upper Paleolithic juvenile from Ksar Akil, Lebanon // Paléorient. Vol.15. N.2. 99-111.
- Bietti A. 1997. The transition to anatomically modern humans: the case of Peninsular Italy // Clark G.A., Willermet C.M. (eds.). Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York: Aldine de Gruyter. 132-147.
- Bourgougnon L. 1998. Les industries du Paléolithique intermédiaire d'Umm el Tiel: Nouveaux éléments pour le passage entre Paléolithique moyen et supérieur // M. Otte (dir.). Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes. Liège, ERAUL 85. 709-730.
- Bradley B.A., Anikovitch M., Giria E. 1995. Early Upper Paleolithic in the Russian Plane: Streletskayan flaked stone artifacts and technology // Antiquity. Vol.69. N.266. 989-998.
- Bräuer G. 1981. New evidence on the transitional period between Neanderthal and modern man // Journal of Human Evolution. Vol.10. 467-74.
- Broglio A. 1996. The appearance of modern humans in Europe: the archaeological evidence from the Mediterranean regions // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol.5. The Lower and Middle Paleolithic. Colloquium X. Forli. 237-247.
- Cabrera Valdes V., De Quiros F.B. 1996. The origing of the Upper Palaeolithic: A Cantabrian perspective // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans. Barcelona. 251-265.
- Cabrera Valdes V., Pike-Tay A., Bernaldo de Quiros F. 2000. The beginnings of the Upper Paleolithic in Cantabria (Spain): levels 18B and 18C of the Cueva del Castillo. Paper presented to the annual meeting of the Paleoanthropology Society. Philadelphia, April 4-5.
- Carbonell E., Vaquero M. 1998. Behavioral complexity and biocultural change in Europe around forty thousand years ago // Journal of Anthropological Research. Vol.54. N.3. 373-397.
- Cârciumaru M. 1995. La transition du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur en Roumanie: contexte paléoclimatique et chronologique // Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (PALEO, Supplément N.1). 101-104.
- Cârciumaru M. 1998. Le Paléolithique moyen dans les grottes des Carpates méridionales // Otte M. (dir.). Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes. Liège, ERAUL 85. 57-75.

- Cashel S. 1997. Dietary shifts and the European Upper Palaeolithic transition // *Current Anthropology*. Vol.38. N.4. 579-603.
- Chappell J., Head J., Magee J. 1996. Beyond the radiocarbon limit in Australian archaeology and Quaternary research // *Antiquity*. Vol.70. 543-52.
- Chmielewski W. 1972. The continuity and discontinuity of the evolution of archaeological cultures in central and eastern Europe between the 55th and 25th millenaries B.C. // *The origin of Homo sapiens*. Paris. 173-179.
- Clark J.D. 1970. *The Prehistory of Africa*. London: Thames and Hudson.
- Clark J.D. 1993. The Aterian of the Central Sahara // *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B.C.* Poznan. 49-67.
- Clark J.D. 1995. Recent developments in human biological and cultural evolution // *South African Archaeological Bulletin*. Vol.50. N.162, pp.168-174.
- Cohen M.N. 1977. *The Food Crisis in Prehistory*. New Haven: Yale University Press.
- O'Connell J.F., Allen J. 1998. When did humans first arrive to Greater Australia and why it is important to know? // *Evolutionary Anthropology*. Vol.6 (4). 132-146.
- Cremaschi M., Di Lernia S., Garcea E.A.A. 1998. Some insights on the Aterian in the Libian Sahara: Chronology, environment, and archaeology // *African Archaeological Review*. Vol.15. N.4. 261-286.
- Damblon F., Haesaerts P., van der Plicht J. 1996. New datings and considerations of the chronology of Upper Palaeolithic sites in the Great Eurasiatic Plain // *Préhistoire Européenne*. Vol.9. 177-231.
- Davis R.S. 1978. *The Palaeolithic // The Archaeology of Afganistan*. Eds. Allchin F.R. and Hammond N. London: Academic Press. 37-70.
- Debenath A., Reynal J.-P., Roche J., Texier J.-P., Ferembach D. 1986. Stratigraphie, habitat, typologie et devenir de l'Aterien marocain: données récentes // *L'Anthropologie*. T.90. N.2. 233-246.
- Debenath A. 1992. Hommes et cultures matérielles de l'Aterien Marocain // *L'Anthropologie*. T.96. N.4. 711-720.
- Debenath A. 1994. L'Aterien du Nord de l'Afrique et du Sahara // *Sahara*. Vol.6. 21-30.
- D'Errico F., Zilhão J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J. 1998. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // *Current Anthropology*. Vol.39. Supplement 1. 1-44.
- Duarte C., Mauricio J., Pettitt P.B., Souto P., Trinkaus E., van der Plicht H., Zilhão J. 1999. The early Upper Paleolithic human skeleton from the Abrigo do Lagar Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // *Proceedings of the National Acad. of Sci. USA*. Vol.96. 7604-7609.
- Dupree L. 1967. The prehistoric period of Afganistan // *Afganistan*. Vol.20. N.3. 8-27.
- Ferring C. R. 1975. The Aterian in North African prehistory // *Wendorf F., Marks A.E.* (eds.). *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas: Southern Methodist University Press. 113-126.
- Fraye D.W. 1992. Evolution at the European edge: Neanderthal and Upper Paleolithic relationships // *Préhistoire Européenne*. Vol.2. 9-69.
- Freericks M. 1995. Transition du Paléolithique moyen du Paléolithique supérieur en Allemagne: quelques exemples // *Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (PALEO, Supplément N.1)*. 117-122.
- Gabori M. 1990. Aperçus sur l'origine des civilisations du Paléolithique supérieur en Hongrie // *Farizy C.* (ed.). *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe*. 103-106.
- Gabori-Csank V. 1983. La Grotte Remete «Felso» (supérieure) et le «Szeletien de Transdanubie» // *Acta Archaeologica Acad. Sci. Hungaricae*. Vol.35. N.3-4. 249-285.
- Gabori-Csank V. 1990. Le Jankovichien en Hongrie de l'ouest // *Farizy C.* (ed.). *Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe*. 97-102.
- Gambier D. 1989. Fossil hominids from the early Upper Palaeolithic (Aurignacian) of France // *Mellars P., Stringer C.* (eds.). *The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 194-210.
- Gambier D. Modern humans at the beginning of the Upper Paleolithic in France. Anthropological data and perspectives // *Clark G.A., Willermet C.M.* (eds.). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. New York: Aldine de Gruyter. 117-131.
- Gamble C. 1999. Gibraltar and the Neandertals 1848-1998 // *Journal of Human Evolution*. Vol.36. N.2. 239-243.
- Garralda M.D. 1997. The human paleontology of the Middle to Upper Paleolithic transition on the Iberian Peninsula // *Clark G.A., Willermet C.M.* (eds.). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. New York: Aldine de Gruyter. 148-160.
- Gaudzinski S. 1999. Middle Palaeolithic bone tools from the open-air site Salzgitter-Lebenstedt (Germany) // *Journal of Archaeological Science*. Vol.26. N.2. 125-141.
- Gilman A. 1984. Explaining the Upper Paleolithic revolution // *Spriggs M.* (ed.). *Marxist Perspectives in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press. 115-126.
- Ginter B., Kozłowski J.K., Laville H., Sirakov N., Hedges R.E.M. 1996. Transition in the Balkans: news from the Temnata cave, Bulgaria // *Carbonell A., Vaquero M.* (eds.). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. 169-200.
- Giola P. 1988. Problems related to the origins of Italian Upper Palaeolithic: Uluzzian and Aurignacian // *J. Kozłowski* (ed.). *L'Homme de Neandertal*. Vol.8. La Mutation. Liège. 71-101.
- Glen E., Kaczanowski K. 1982. Human remains // *Kozłowski J.K.* (ed.). *Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria)*. Final Report. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 75-79.
- Golovanova L.V., Hoffecker J.F., Kharitonov V.M., Romanova G.P. 1999. Mezmaiskaya Cave: A Neanderthal occupation in the Northern Caucasus // *Current Anthropology*. Vol.40. N.1. 77-86.
- Hahn J. 1993. L'origine du Paléolithique supérieur en Europe Centrale: les datations C14 // *Cabrera V.* (ed.). *El Origen del Hombre Moderno en el Suroeste Europa*. Madrid. 61-80.
- Harpending H.C., Batzer M.A., Gurven M., Jorde L.B., Rogers A.R., Sherry S.T. 1998. Genetic traces of ancient demography // *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*. Vol.95. 1961-1967.
- Harold F.B. 1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // *Mellars P., Stringer C.* (eds.). *The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 677-713.

- Hayden B. 1981. Research and development in the stone age: technological transitions among hunter-gatherers // *Current Anthropology*. Vol.22. 519-548.
- Hayden B. 1993. The cultural capacities of Neandertals: a review and evaluation // *Journal of Human Evolution*. Vol.24 N.2. 113-146.
- Henshilwood Ch., Sealy J. 1997. Bone artefacts from the Middle Stone Age at Blombos Cave, Southern Cape, South Africa // *Current Anthropology*. Vol.38. N.5. 890-895.
- Hoffecker J.F. 1999. Neanderthals and modern humans in Eastern Europe // *Evolutionary Anthropology*. Vol.7 (4). 129-141.
- Hole F. 1970. The Paleolithic culture sequence in western Iran // *Actes du VIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques*. Prague. 287-292.
- Hole F., Flannery K. 1967. The prehistory of southwestern Iran: A preliminary report // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol.33. 147-206.
- Hublin J.-J. 1992. Recent human evolution in north western Africa // *Philosophical Transactions of the Royal Society, series B*. Vol.337. 185-191.
- Hublin J.-J., Spoor F., Braun M., Zonneveld F., Condemi S. 1996. A late Neanderthal associated with Upper Palaeolithic artefacts // *Nature*. Vol.381. 224-226.
- Karavanic I., Smith F. 1998. The Middle/Upper Paleolithic interface and the relationship of Neanderthals and early modern humans in the Hrvatsko Zagorje, Croatia // *Journal of Human Evolution*. Vol.34. N.3. 223-248.
- Kozłowski J.K. 1988. L'apparition du Paléolithique supérieur // Kozłowski J. (ed.). *L'Homme de Néandertal*. Vol.8. La Mutation. Liège. 11-21.
- Kozłowski J.K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: The gate to Europe or a cul-de-sac? // *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol.58. 1-20.
- Kozłowski J.K. 1996. Cultural context of the last Neanderthals and early modern humans in Central-Eastern Europe // *XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences*. Vol.5. The Lower and Middle Paleolithic. Colloquium X. Forlì. 205-216.
- Kozłowski J.K., Dagnan-Ginter A., Gatsov I., Sirakova S. 1982. Upper Paleolithic assemblages // Kozłowski J.K. (ed.). *Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria)*. Final Report. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 119-167.
- Kuhn S.L., Stiner M.C. 1998. The earliest Aurignacian of Riparo Mochi (Liguria, Italy) // *Current Anthropology*. Vol.39. Supplement 1. 175-189.
- Kuhn S.L., Stiner M., Gules E. 1999. Initial Upper Palaeolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report // *Antiquity*. Vol.73. N.281. 505-517.
- Léveque F. 1993. The Castelperronian industry of Saint-Césaire: the upper level // Léveque F., Backer A.M., Gilbaud M. (eds.). *Context of a Late Neanderthal: Implications of Multidisciplinary Research for the Transition to Upper Paleolithic Adaptations at Saint-Césaire, Charente-Maritime, France*. Madison: Prehistory Press. 25-35.
- Marks A.E. 1975. The current status of Upper Paleolithic studies from the Maghreb to the Northern Levant // Wendorf F., Marks A.E. (eds.). *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas: Southern Methodist University Press. 439-457.
- Marks A., Chabai V. (eds.). 1998. *The Middle Paleolithic of Western Crimea*, vol.1. ERAUL 84
- Marks A.E., Monigal K. 1995. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // Dibble H.L., Bar-Yosef O. (eds.). *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison: Prehistory Press. 267-277.
- Maroto J., Soler N., Fullola J.M. 1996. Cultural change between Middle and Upper Palaeolithic in Catalonia // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). *The Last Neanderthals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. 219-250.
- Matioukhine A. 1998. Les ateliers du Paléolithique supérieur de la vallée du Donets-Severski (région de Rostov, Russie) // *Anthropologie*. T.102. N.4. 467-494.
- McBurney C.B.M. 1967. *The haur Fteah (Cyrenaica)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McBurney C.B.M., Hey R. 1955. *Prehistory and Pleistocene Geology in Cyrenaican Libya*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maignen L. 1994. Paléolithique moyen au Proche-Orient: la phénomène laminaire // *Dossier de Documentation Archeologique*. Vol.18. 123-157.
- Mellars P. 1996. *The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Mellars P. 1996a. The emergence of biologically modern populations in Europe: A social and cognitive revolution? // *Evolution of Social Behaviour Patterns in Primates and Man*. Oxford (Proceedings of the British Academy 88). 179-201.
- Mellars P. 1996b. Symbolism, language, and the Neanderthal mind // *Modelling the Early Human Mind*. Cambridge: Cambridge university Press, pp.15-32.
- Mellars P. 1998. The fate of the Neanderthals // *Nature*. Vol.395. 539-540.
- Mellars P. 1998a. The impact of climatic changes on the demography of late Neanderthal and early anatomically modern populations in Europe // Akazawa T., Aoki K., Bar-Yosef O. (eds.). *Neanderthals and Modern Humans in Western Asia*. New York: Plenum Press. 493-507.
- Mellars P., Otte M., Straus L.G., Zilhão J., D'Errico F. 1999. The Neanderthal problem continued // *Current Anthropology*. Vol.40. N.3. 341-363.
- Mellars P., J.Tixier J. 1989. Radiocarbon-accelerator dating of Ksar' Akil (Lebanon) and the chronology of the Upper Palaeolithic sequence of the Near East // *Antiquity*. Vol.63. 761-768.
- Noble W., Davidson I. 1991. The evolutionary emergence of modern human behaviour: language and its archaeology // *Man*. Vol.26. N.2. 223-253.
- Oliva M. 1988. Pointes foliacées et technique levallois dans le passage paléolithique moyen/paléolithique supérieur en Europe centrale // J. Kozłowski (ed.). *L'Homme de Néandertal*. Vol.8. La Mutation. Liège. 125-131.
- Oliva M. 1991. The Szeletian in Czechoslovakia // *Antiquity*. Vol.65. N.247. 318-325.
- Oliva M. 1993. The Aurignacian in Moravia // Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds.). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. CRC Press. 37-55.
- Oliva M. 1995. Le Széletien de Tchecoslovaquie: industrie lithique et répartition géographique // *Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (PALEO, Supplément N.1)*. 83-90.
- Olszewski D.I. 1993. The Late Baradostian occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia. 187-206.
- Olszewski D.I., Dibble H.L. 1994. The Zagros Aurignacian

- // *Current Anthropology*. Vol.35. N.1. 68-75.
- Orquera L.A. 1984. Specialization and the Middle/Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. Vol.25 N.1. 73-98.
- Otte M., Noiret P., Tatartsev S., López-Bayón I. 1996. L'Aurignacien de Siuren I (Crimee, Ukraine) // *Anthropologie et Préhistoire*. T.107. 81-92.
- Otte M., Yalçinkaya I., Kozłowski J., Bar-Yosef O., López Bayón I., Taskiran H. 1998. Long-term technical evolution and human remains in the Anatolian Palaeolithic // *Journal of Human Evolution*. Vol.34. N.4. 413-431.
- Pelegrin J. 1995. Technologie lithique: le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne). Paris: CNRS editions.
- Phillips J.L. 1994. The Upper Paleolithic chronology of the Levant and the Nile Valley // Bar-Yosef O., Kra R.S. (eds.). *Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean*. Tucson. 169-176.
- Piperno M. 1974. Upper Palaeolithic caves in southern Iran. Preliminary report // *East and West*. Vol.24. N.1-2.
- Prosek F. Szeletien na Slovensku // *Slovenska archeologia*. Vol.1. 133-164.
- Reich D.E., Goldstein D.B. 1998. Genetic evidence for a Paleolithic human population expansion in Africa // *Proceedings of the National Academy of Science of the USA*. Vol.95. 8119-8123.
- Relethford J.H., Jorde L.B. 1999. Genetic evidence for larger African population size during recent human evolution // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol.108. N.3. 251-260.
- Revillion S. 1994. Les industries laminaires du Paléolithique moyen en Europe septentrionale. Lille.
- Revillion S. 1995. Technologie du débitage laminaire au Paléolithique moyen en Europe septentrionale: état de la question // *Bull. de la Soc. Préhist. Fran.* T.92. N.4. 425-441.
- Rigaud J.-P. 1996. L'émergence du Paléolithique supérieur en Europe occidentale. Le rôle du Castelperronien // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol.5. The Lower and Middle Paleolithic. Colloquium X. Forlì. 219-223.
- Rigaud J.-P. 1997. Scenarios for the Middle to Upper paleolithic transition. A European perspective // G.A. Clark G.A., Willermet C.M. (eds.). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. New York: Aldine de Gruyter. 161-167.
- Rosenberg M. 1985. Report on the 1978 sondage at Eshkaft-e Gavi // *Iran*. Vol.23. 51-62.
- Schäfer J., Ranov V.A. 1998. Middle Paleolithic blade industries and the Upper Paleolithic of Central Asia // M. Otte M. (dir.). *Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes*. Liège, ERAUL 85. 785-814.
- Schild R. 1998. Comment // *Current Anthropology*. Vol. 39. Supplement. 133-134.
- Schwartz H.P., Buhay W.M., Grun R., Valladas H., Tchernov E., Bar-Yosef O., Vandermeersch B. 1989. ESR dating of the Neanderthal site, Kebara Cave, Israel // *Journal of Archaeological Science*. Vol.16. N.6. 653-659.
- Sherry S.T., Rogers A.R., Harpending H., Soodyall H., Jenkins T., Stoneking M. 1994. Mismatch distributions of mtDNA reveal recent human population expansions // *Human Biology*. Vol.66. 761-775.
- Simpson H.P., Schwartz J.J., Stringer C.B. 1998. Neanderthal skeleton from Tabun: U-series data by gamma-ray spectrometry // *Journal of Human Evolution*. Vol.35. N.6. 635-645.
- Sirakov N. 1983. Reconstruction of the Middle Paleolithic flint assemblages from the cave Samuilitsa II (Northern Bulgaria) and their taxonomical position seen against the Paleolithic of South-Eastern Europe // *Folia Quaternaria*. Vol.55. 1-100.
- Smith F.H., Trinkaus E., Pettitt P.B., Karavanić I., Paunović M. 1999. Direct radiocarbon dates from Vindija G1 and velika pecina Late Pleistocene hominid remains // *Proceedings of the National Acad. of Sci. USA*. Vol.96. N.22. 12281-12286.
- Smith P.E.L. 1971. The Palaeolithic of Iran // *Melanges de préhistoire, d'archéocivilisation et d'ethnologie*. Paris. 681-695.
- Smith P.E.L. 1986. *Palaeolithic Archaeology in Iran*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Soffer O. 1992. Social transformations at the Middle to Upper Paleolithic transition: The implications of the European record // Brauer G., Smith F.H. (eds.). *Continuity or Replacement. Controversies in Homo sapiens Evolution*. Rotterdam: A.A.Balkema. 247-259.
- Soffer O. 1994. Ancestral lifeways in Eurasia. The Middle and Upper Paleolithic records // Nitecki M., Nitecki V. (eds.). *Origins of Anatomically Modern Humans*. New York: Plenum Press. 101-119.
- Solecki R. 1955. Shanidar Cave, a Paleolithic site in northern Iraq // *Smithsonian Institute Annual Reports*. 389-425.
- Stiner M.C., Munro N.D., Surovell T.A., Tchernov E., Bar-Yosef O. 1999. Paleolithic population growth pulses evidenced by small animal exploitation // *Science*. Vol.283. 190-194.
- Straus L.G. 1993/1994. Upper Paleolithic origins and radiocarbon calibration: More new evidence from Spain // *Evolutionary Anthropology*. Vol.2. N.6. 195-198.
- Straus L.G. 1996. Continuity or rupture; convergence or invasion; adaptation or catastrophe; mosaic or monolith: Views on the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. 203-218.
- Straus L.G. 1997. The Iberian situation between 40,000 and 30,000 B.P. in light of European models of migration and convergence // Clark G.A., Willermet C.M. (eds.). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. N.Y. 235-252.
- Straus L.G., Bischoff J.L., Carbonell E. 1993. A review of the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // *Préhistoire Européenne*. Vol.3. 11-27.
- Straus L.G., Otte M. 1996. The Middle to Upper Paleolithic transition at the local level: The case of Le Trou Magrite (Namur province, Belgium) // Carbonell E., Vaquero M. (eds.). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. 157-167.
- Svoboda J. 1986. The H.s.n./H.s.s. transition in Moravia. Chronological and archaeological background // *Fossil Man. New Facts — New Ideas*. Brno. 237-242.
- Svoboda J. 1988. Early Upper Paleolithic industries in Moravia: A review of recent evidence // Kozłowski J. (ed.). *L'Homme de Néandertal*. Vol.8. La Mutation. Liège. 169-192.
- Svoboda J. 1993. The complex origin of the Upper Paleolithic in the Czech and Slovak Republics // Knecht H., Pike-Tay A., White R. (eds.). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. CRC Press. 23-36.
- Svoboda J., Siman K. 1989. The Middle-Upper Paleolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary) // *Journal of World*

- Prehistory. Vol.3 N.3. 283-322.
- Svoboda J., Skrdla P. 1995. The Bohunician technology // Dibble H.L., Bar-Yosef O. (eds.) The Definition and Interpretation of Levallois Technology. Madison: Prehistory Press. 429-438.
- Texier P.-J. 1996. Evolution and diversity in flaking techniques and methods in the Palaeolithic // *Oltre la Pietra. Modelli e Tecnologia per Capire la Preistoria*. Forli. 297-321.
- Texier J.-P., Huxtable J., Rhodes E., Miallier D., Ousmoi M. 1988. Nouvelles données sur la situation chronologique de l'Aterien du Maroc et leurs implications // C. R. Acad. Sci. T.307. N.7. 827-832.
- Tixier J. 1967. Procédes d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de l'Épipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Ouest // Bishop W.W., Clark J.D. (eds.). Background to Evolution in Africa. Chicago and London: The University of Chicago Press. 771-820.
- Thieme H. 1997. Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // *Nature*. Vol.385. 807-810.
- Thorne A., Grun R., Mortimer G., Spooner N., Simpson J., McCulloch M., Taylor L., Curnoe D. 1999. Australia's oldest human remains: age of the Lake Mungo 3 skeleton // *Journal of Human Evolution*. Vol.36. N.6. 591-612.
- Turner C.G. 1990. Paleolithic teeth of the Central Siberian Altai mountains // *Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America*. Novosibirsk. 239-243.
- Valladas H., Mercier N., Froget L., Hovers E., Jørn J.-L., Kimbel W.H., Rak Y. 1999. TL dates for the Neanderthal site of the Amud Cave, Israel // *Journal of Archaeological Science*. Vol.26. N.3. 259-268.
- Valoch K. 1990. La Moravie il y a 40 000 ans // Farizy C. (ed.). Paléolithique Moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Nemours: Musée de Préhistoire d'Île de France. 115-124.
- Van Peer P. 1993. Levallois variability and the Middle Paleolithic of the Lower Nile Valley and the Eastern Sahara // *Environmental Changes and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B.C.* Poznań.
- Van Peer P. 1998. The Nile corridor and the Out-of-Africa model // *Current Anthropology*. Vol.39. Supplement. 115-140.
- Van Peer P., Vermeersch P.M. 1990. Middle to Upper Paleolithic transition: the evidence for the Nile Valley // Mellars P. (ed.). The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective. Ithaca: Cornell University Press. 139-159.
- Vega Toscano L.G. 1990. La fin du Paléolithique moyen au sud de l'Espagne: ses implications dans le contexte de la péninsule Iberique // Farizy C. (ed.). Paléolithique Moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Nemours: Musée de Préhistoire d'Île de France. 169-176.
- Vermeersch P.M. 1992. The Upper and Late Paleolithic of Northern and Eastern Africa // *New Light on the Northwest African Past. Current Prehistoric Research*. Cologne. 106-149.
- Vermeersch P.M., Paulissen E., Stokes S., Charlier C., Van Peer P., Stringer C., Lindsay W. 1998. A Middle Paleolithic burial of a modern human at Taramsa Hill, Egypt. // *Antiquity*. Vol.72. N.277. 475-484.
- Villaverde V., Aura J.E., Barton C.M. 1998. The Upper Paleolithic in Mediterranean Spain: A review of current evidence // *Journal of World Prehistory*. Vol.12. N.2. 121-198.
- Wendorf F., Schild R. 1992. The Middle Paleolithic of North Africa: a status report // *New Light on the Northwest African Past. Current Prehistoric Research*. Cologne. 43-73.
- Wengler I. 1997. La transition du Moustérien à l'Aterien // *L'Anthropologie*. T.101. N.3. 448-481.
- White L. 1959. The Evolution of Culture. New York: McGraw-Hill
- White R. 1982. Rethinking the Middle/Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. Vol.23. N.2. 169-192.
- Wolpoff M.H. 1996. Neandertals of the Upper Paleolithic // Carbonell A., Vaquero M. (eds.). The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans. 51-76.
- Yellen J.E., Brooks A.S., Cornelissen E., Mehlman M.J., Stewart K. 1995. A Middle Stone Age worked bone industry from Katanda, Upper Semliki Valley, Zaire // *Science*. Vol.268. 553-556
- Yellen J.E. 1998. Barbed bone points: Tradition and continuity in Sahara and Sub-Saharan Africa // *African Archaeological Review*. Vol.15. N.3. 173-198.
- Zilhão J., d'Errico F. 1999. The chronology and taphonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // *Journal of World Prehistory*. Vol.13. N.1. 1-68.